

18+

АЛИСАТИШИНОВА

Кленовый

БЧКЕТ

ИЛИ
НЕБЕСАМ
ВОПРЕКИ

#МИСТИЧЕСКИЙРОМАН_2

Алиса Тишинова

**Кленовый букет, или Небесам
вопреки. Мистический роман_2**

«Издательские решения»

Тишинова А.

Кленовый букет, или Небесам вопреки. Мистический роман_2 /
А. Тишинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-559907-0

Всему на свете есть цена. Не всегда материальная. Обрести утраченное, но прежним оно не будет, а старый уклад развалится. Избавиться от тирана, оставшись в одиночестве; избежать смерти, потеряв популярность; спасти друга ценой своей жизни. Александр узнает о Виктории; Анжела попадает в круг друзей мужа: леший, кладбищенский сторож и прочая нежить. Астарий находит древнюю подругу; они стремятся предотвратить гибель цивилизации от собственного равнодушия, на которое указывает загадочная болезнь.

ISBN 978-5-00-559907-0

© Тишинова А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
Виктория	6
Анжела	8
ГЛАВА 2	10
Анжела	10
ГЛАВА 3	14
Виктория	14
Анжела	16
ГЛАВА 4	19
Астарий	19
ГЛАВА 5	22
Анжела	22
ГЛАВА 6	28
Астарий	28
ГЛАВА 7	32
Виктория	32
Гвендолин	35
ГЛАВА 8	38
Инга	38
Анжела	40
Александр	42
ГЛАВА 9	43
Александр	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кленовый букет, или Небесам вопреки Мистический роман_2

Алиса Тишинова

Посвящается моему отцу Виктору

Дизайнер обложки Тая Королькова

© Алиса Тишинова, 2024

© Тая Королькова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0055-9907-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0055-9909-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Виктория

Виктория лежала на бледно-желтом песке, усыпанном редкими мелкими ракушками, погрузив ноги в воду. Прохладные волны накатывали с чёткой периодичностью, словно обнимая тело. Место, где суша встречается с морем, – лучшее на всём пляже, по её мнению. Можно даже задремать, прикрыв лицо соломенной шляпой. Ненадолго, конечно. Пока Андрей с Асей плавают. Виктория плавать не умела; она лишь изредка качалась на мелководье, используя надувной круг, как и Ася.

Море, солнце и лошади. После гибели Арсена она не хотела ничего другого. Надо было как-то жить, и она жила. Вот именно, что как-то. Обещанное ей устройство на работу, в очередной раз, сорвалось. Вначале Виктория не могла прийти в себя с той весны, разломившей жизнь надвое. Затем, совершенно без энтузиазма, начала небольшую практику учителем-дефектологом на волонтерской площадке. Но из нее словно вынули внутренний стержень – занималась вяло, на автомате. А вскоре все площадки сократили – невыгодными оказались. А у преподавателей угасло желание трудиться задаром. Жизнь стала прежней, только в Лисовск они больше не ездили.

Виктория не отдавала себе отчета в том, что во всех встреченных лицах, глазах, и тонких мальчишеских силуэтах, одетых в ветровки с капюшонами, – она беспрерывно ищет Арсена. Шли годы, а наваждение продолжалось. Виктория не замечала своей грусти, пока ее не тыкали в нее носом. Тогда она страшно раздражалась – кому какое дело, почему она грустная?! Если она сидит одна с баночкой пива на скамейке, – как и многие другие отдыхающие, – значит ей хочется побыть одной; а грустит она как раз от того, что к ней лезут с идиотскими вопросами. Хотя в глубине души сама понимала, что должен быть предел, что так нельзя.

Однажды в троллейбусе она услышала, как кто-то просит подсказать, на какой остановке лучше сойти. Вопрос прозвучал необычно: слова во фразе были составлены несколько коряво, хрипловатый голос запинался. Виктория судорожно обернулась, но молодой человек обращался не к ней. Встревать в чужой разговор было неудобно. Но как похожи его глаза, боже ты мой! Лицо совсем другое, а волосы чёрные, – но глаза, и голос! Она с трудом удержала себя на месте, пригвоздила к поручню, чтоб не выскочить за ним с криком: «Подожди!»

Ей стало ясно, что это уже больше, чем просто невроз. Люди, город, автобусы, троллейбусы – всё казалось чужим. Лишь эти глаза и голос. Свои дела кажутся ей не важными; её самой словно не существует. Прошлогодний звонок чокнутого «ФСБшника» долго тревожил сердце. И ведь не одной ей померещилось – Виктория Смирнова тоже долго удивлялась. Но все, конечно, объяснялось очень просто. Совпадение. Просто сотрудник ФСБ оказался заикой, оттого речь звучала странно. Внешне он вовсе не напоминал Арсена, судя по описанию второй Виктории. Была еще одна мысль: он знал Арсена, слышал его манеру говорить. И проверял ее реакцию. Но, тогда за этим наверняка последовало бы еще что-то. Виктория Смирнова уверяла, что никогда прежде не видела этого типа – приехал он со своей Москвы, и уехал обратно, не появляясь у них больше... Значит, и впрямь, – совпадение. Просто она, как ненормальная, во всём знаки ищет.

Виктория плескалась в море и грелась на солнышке, в надежде забыться. Это было чудесно, но нисколько не помогало. В растительном времяпрепровождении не было смысла, один лишь физический комфорт. Интернет в далёкой станице работал с перебоями, и это было даже хорошо. Никто не писал, и она никому не писала. Зато могла спокойно читать книги. В «Контакте» просилась в друзья некая «Энжи» с сексапильной аватаркой, немного напомина-

ющей её саму, Викторию. Она не реагировала. Дома поглядит. А здесь жалко тратить трафик на всяких незнакомок: скорее всего, распространяет девушка очередные курсы, да мало ли... Имя ненастоящее. Ну ее.

Анжела

Компьютер зависал уже полчаса, вызывая справедливое желание расколотить вредную железяку. То ли «Мегафон» плохо ловил сеть, то ли сам агрегат был уже не новый, и выпендривался. Колёсико курсора беспомощно и бессмысленно вращалось; периодически прорывалось: «Подождите, мы пытаемся восстановить соединение... приложение не отвечает...» «Касперский» непрерывно требовал обновления, угрожая, мол, компьютер подвергается чему-то там... Но Анжела знала, что лицензия не закончилась, а базы не устарели... Она уже много раз нажала F1 и F5; перезагрузила...

Ну, не может она вот так – без связи с Ингой, с сестрой! Это же необитаемый остров просто! Александр дежурил, считай, третьи сутки (время отпусков, работать некому, а у него реабилитации); в реабилитационном центре – каникулы. Весь день она только с Олесей. Хочется, в конце концов, поговорить с кем-то! Хоть волком вой в этом заброшенном городке!

Вдруг она вспомнила, что у Александра имеется ещё ноутбук, спрятанный в чемоданчике. Сам он давно пользовался более удобным планшетом. И, если ее компьютер решил отдать концы (а, по-видимому, решил: монитор погас, индикатор грустно замигал оранжевым вместо зеленого), то почему бы не попробовать тот ноутбук? Он вполне может оказаться рабочим.

Анжела не умела останавливаться на полпути, и сейчас ее разобрал азарт. Она залезла на стул, сняла со шкафа черный плоский чемоданчик, вроде дипломата; стерла с него пыль. Машинально она протерла всю поверхность шкафа, куда дотянулась рука.

Замочек открылся легко. Конечно, ноутбук полностью разряжен, но эта беда поправима. «Может, все же не надо?» – мелькнуло в голове. – «Ведь он, кажется, каким-то образом, был связан с прошлым. Прошлым, которое не хотелось ворошить. Да ну, ерунда! Какие тайны?! Все это мне казалось. Навыдумывала себе... Ну, имеются у Саши несколько необычные способности, – так у кого в наше время их нет? Просто он, в отличие от многих, афишировать их не любит. Скорее всего, тогда, – мне, влюбленной, – любая мелочь казалась невесть чем, выдающимся... Да? А как же тогда Новаковский? Как он избежал гибели? Это был сон – или что? Александра ведь теперь не спросишь! Вдруг ничего не было, и Новаковского он не знал... ну, или благополучно забыл, – я же себя подставляю! «Что еще за Новаковский?» – спросит... А руины церкви? Старик с горящими глазами? Это уж точно был сон.»

Нет, смотреть старинную церквушку они и вправду ездили, а после гуляли по городу, ужинали в ресторане... Это было. А затем ей, видимо, приснился сон про старика: то ли странного священника, то ли колдуна. Меньше надо мистики читать на ночь.

Так что... включаем ноутбук и пробуем. Все равно мастера сейчас не вызвать. Когда устройство зарядилось, загрузилась «Виндоуз», а экран, наконец, засветился синим. Но выглядела программа непривычно – это была какая-то другая версия, может быть, более старая. Как работать с ней – было пока не очень понятно, но... как-то же, наверное, можно! Анжела тыкала во все значки по очереди, и остановилась на «Вернуться к первоначальной версии». Как правило, это действие мало помогало, – требовалось определить какую-то «точку восстановления», а что это за точка... фиг ее знает. Но все же Анжела нажала на «вернуться». Да, появилась надпись про точку восстановления, отправившую её в тысяча девятьсот девяносто шестой год. А, была – не была, попробуем! Компьютер отреагировал странно – замигал разноцветными полосами. «Ну всё, «убила» его», – расстроилась Анжела. Но следом за тем на экране возник широкий зеленый прямоугольник. Сверху высветилось единственное слово: «Судьбы». Ошеломленная, Анжела ткнула в него курсором, и ей открылись новые поля: «Люди», «География», «Ближайшие события».

Что вообще это значит?! Может, позвонить Александру и спросить? Нет, не стоит. Скорее всего, он и сам не помнит; скажет: «Закрой пока лучше». Нет уж. Анжела нажала

на «Люди». Перед ней возник бесконечный перечень имён и фамилий. Такой бесконечный, что, сколько ни крутила она мышкой, – не хватило терпения добраться даже до буквы «Б». И это еще с подзаголовком: «русскаяязычные». Сверху имелось привычное окошко «Поиск». Она набрала в нём «Анжела Решетникова». Появилась ее фотография. Теперешняя. Только вот Анжела почему-то не помнила этого снимка. Она увидела свои паспортные данные, девичью фамилию – Вертина. Краткую биографию: «родилась, училась, работала, вышла замуж, имеет дочь». Каждое слово было кликабельным, и каждый пункт можно открыть подробнее. Далее шли графы: «Характер», «Сегодняшнее настроение», «Сегодняшние и грядущие события». Трясущимися руками она нажала на «Грядущие события».

Анжела перестала думать о том, что это значит, – все равно ничего не понимала. От волнения пересохло во рту: что-то ей покажут сейчас?! Она боялась, но уже не могла остановиться, и ожидала, чего угодно. Увиденное добило окончательно. В «Грядущих событиях» было пусто! То есть – не совсем пусто. Не было самих событий. Зато сбоку высветилось: «Блокировка. Изменения невозможны. Анжела Решетникова является клоном Виктории Киршанской с 1996 года.»

ГЛАВА 2

Анжела

Она смотрела в монитор невидящим взглядом. Сказать, что её потрясло, – ничего не сказать. «Игры какие-то? Может, это компьютерная игра, про клоны? Александр играл, назвав персонажа моим именем?» – глупо, но что еще могло прийти в голову, чтобы временно защитить мозг? Анжела несколько раз глубоко вздохнула. Вгляделась в экран, перечитала заново, ткнула курсором. Появилась ссылка: «Виктория Кирианская, смотреть».

«Не пройдет объяснение с играми», – подумалось с тоской. – "Здесь же биография полностью, в подробностях; и фотография, и новая фамилия, и дочь... Если даже Александр когда-то давно развлекался подобным, – то откуда ему знать будущее, да и зачем? Значит, какая-то Виктория заказала кому-то (кому?!) клон самой себя? Как это, зачем?! И этот клон – я?!»

С ощущением страха и обреченности она кликнула ссылку на Викторию.

Открылась страница такого же формата, как и предыдущая. С портрета смотрела очень похожая на неё, но более взрослая женщина; печальная, несмотря на улыбающийся рот. Грустные глаза, обтянутые кожей скулы. Даже в длинных черных ресницах затаилась некая скорбь.

Анжела поглядела в зеркало, сравнила. Похожа, очень. Но, всё же – не она. И не только потому, что у Анжелы – в ее тридцать три – всё еще сохранялись круглые девичьи щечки, которые нравились всем, кроме нее самой. Даже, когда после родов она сильно похудела (живот при беременности был просто огромный, ноги отекали, – но, родив, она сразу сдулась, как воздушный шарик), – щечки оставались прежними. На миг ей стало даже завидно этой незнакомой Виктории, несмотря на её возраст (под картинкой было указано, что Виктории сорок два). Вот ей бы такое тонкое лицо – тогда она была бы идеальной... И тут же устыдилась глупой мелькнувшей мысли.

Дело было не только в этом. Она сравнивала серые глаза Виктории со своими, в обрамлении таких же пушистых ресниц, – и понимала, что разрез отличается. Трудно сказать, чем именно. Может, расстоянием до бровей или до носа... И нос другой, – хотя у обеих он прямой, и скорее длинный, чем короткий. И рот не её, – хотя, – опять-таки: небольшой и пухлый. Изящный вырез верхней губы, более полная нижняя. Волосы Виктории казались светлее, чем у Анжелы, – ну, это вообще не признак, хотя значительно влияет на облик. Анжела сама любила порой слегка экспериментировать с оттенками, – чтобы не надоедало одно и то же, чтобы видеть некую обновленную версию себя. То более светлый оттенок, то густо-шоколадный, то отдельные высветленные прядки...

В общем и целом – почти двойник. Но не идеальный. Отличить можно.

Биографию Виктории она прочла запоем, открывая ссылки на каждую подробность. Ужаснуло, насколько похожи их жизни. История с Арсеном и вовсе потрясла.

Анжела вспомнила Руслана, о котором всегда думала с нежностью. Даже его открыто враждебное отношение к Александру не умаляло ее эмоций. Руслан помогал ей заниматься с Олесей физкультурой, – в одиночку Анжела не справлялась, поскольку уже не могла поднимать довольно увесистую для своего возраста, Олесю. Упражнения по показу Олеса не выполняла – не слушала, и не смотрела на говорящего взрослого; не желала подражать. Тогда Руслан брал ее руки, или ноги, – и прорабатывал за неё необходимые пассивные движения. Помогал перепрыгивать через веревочку, вставать на носочки. Это было трудно, потому что Олесю, находясь в своем мире, не понимала, что от неё хотят, и не старалась понять.

Руслан безнадежно влюбился в Анжелу с первой встречи. Ему было почти шестнадцать; лёгкая хромота, не мешающая ходить, зато сильно заметная внешне, заставляла его комплек-

совать. Она и являлась причиной его посещений занятий лечебной физкультуры и бесед с психологом. До восемнадцати лет всем полагается реабилитационная терапия, а дальше – кому как придется.

Странные чувства испытывала она к этому парню. Хамоватый, продвинутый подросток, успешный в учёбе, и, в то же время, – застенчивый, страдающий по поводу своей хромоты; добрый ко всем «не таким» людям. А к ней с Олесей – в особенности. За эту черту Анжела была благодарна ему безмерно. Редко встречаются люди, способные понять. Особенно, дети и подростки. Руслан знал, как ранят насмешки; знал, что значит быть изгоем. Даже при столь лёгком дефекте, как у него. Он сочувствовал Анжеле, и всеми силами старался помочь. К тому же он был влюблен. И что было делать с этой его влюбленностью – не знали ни он, ни Анжела. Она позволяла ему некоторые вольности: расчесать ей волосы и заплести в косу, взять за руку, поговорить о жизни. Не больше. Парень совсем взрослый, позволишь поцеловать в щеку – не остановится уже...

«Если я повторяю ее судьбу – что же должно произойти у нас с Русланом?» – ужаснулась Анжела. – «Нет, не может быть... у нас всё иначе. В нашем центре нет никаких охранников Ибрагимов, а Руслан ничего поджигать не будет... но всё же... Арсен погиб. Страшно.»

С трудом оторвавшись от компьютера, на негнувшихся ногах (во-первых, они затекли от неподвижной позы, во-вторых, – коленки тряслись от стресса), Анжела дошла до кухни, и выпила стакан воды, а затем вышла на балкон с сигаретой. В темном небе меланхолично и равнодушно светила убывающая луна, мерцали звезды; негромко пищали комары. Ночь, никого вокруг. И слава богу, что никого. Но все же она ощутила какое-то глобальное одиночество. Пока у нее ещё шоковое спокойствие. А что дальше будет? И некому сказать, не с кем поделиться. Спросить некого. Как так, зачем так, почему, для чего она так живёт? Теперь, пока она хоть что-нибудь не поймет, – её жизнь будет бессмысленным фарсом. Она и прежде-то не очень понимала смысл любой человеческой жизни...

Нет, – ей есть, кому рассказать! Инге, конечно. Только и та мало что поймет, конечно. Но она хоть выслушает, не перебивая; не начнет охать и хвататься за сердце; не скажет: «Да забей ты! Не думай, и забудь». Словно такое можно забыть! (Впрочем, это только говорится так: «выслушает, скажет». На самом деле они будут писать сообщения. Но это ведь не важно.) А две головы – уже лучше.

Вздыхнув, она вновь направилась к треклятому устройству. Надо встряхнуть из него всю информацию; может, тогда она что-нибудь поймет.

Виктория, в отличие от неё, ничьим клоном не была. Её «Грядущие события» открывались – и, первым пунктом там значился «Отдых у моря». Дальше Анжела читать не стала – побоялась. Она вернулась к подробностям биографии, к чувствам и настроению. Порадовал сам факт, что сейчас та живёт в городе Н., да еще и ездит на юг. Быть может, и Анжела не навсегда застряла в этой дыре? Хотя перспектив для переезда пока не наблюдалось. Вот спросить бы... Викторию! Как ей это удалось. Хм. А ведь ее можно найти, наверное. Хотя, пожалуй, неприятно было бы. И, опять-таки! Как объяснить всё Виктории, если вдруг той ничего не известно?

В «Настроении» она увидела «тоску и субдепрессию», «холод и отчуждение», «раздражение», – в семье. К сожалению, это и ей было близко... Почти машинально нажала она «Изменить», и кнопка сработала. Появилось множество линий, развилок дорожек; каждая вела по своему маршруту, и ни в одном не находила она нужного пункта: чего-то вроде «Абсолютное счастье», или, там, «Сплошная радость.» Анжела долго и задумчиво рассматривала поле, но не посмела ничего трогать.

Вместо этого она набрала в поиске имя – «Арсен Бертынский.»

Как и ожидалось, жизнеописание его было коротким. Зато – до предела насыщенным эмоциями и событиями. Теперь она знала историю Виктории и Арсена лучше, чем кто-либо; наверное, лучше, чем они сами...

С замиранием сердца она набрала: «Александр Решетников». Увидела портрет собственного мужа – такого, каким он был сейчас в свои тридцать девять: симпатичное, почти мальчишеское лицо, слегка взлохмаченные, русые с пепельным оттенком, волосы; обаятельная улыбка, и усталые серые глаза. Биографию можно не читать, наверное... Хотя, нет. Может, как раз она прояснит «белые пятна» в ее воспоминаниях, похожих на сны?

Прочитанное доконало ее с первой же строки: «В настоящий момент является комбинационной душой Александра Решетникова (см. «Предыдущая биография») и Арсена Бертынского, вследствие отказа одного работать в управлении Высших Сил, переведенного в ранг стандартного человека».

Ангела судорожно переводила дыхание. Вот тебе и связь... Но как, почему? Она чувствовала, что близка к разгадке: вот-вот поймет, сейчас сложится пасьянс... Но сердце бешено колотилось, и рассуждать она сейчас не могла. Самое болезненное, что она, – пешка в чьей-то игре. Ужасной игре...

Завтра. Завтра она вызовет мастера, и отремонтирует нормальный компьютер; завтра напишет Инге... и этой самой Виктории, леший бы ее побрал! И будет мучить этот злосчастный ноутбук до тех пор, пока не выяснит всё сама! Ни в коем случае, ничего не говорить Александру! Только сама!

Чисто для успокоения нервов она еще раз включила старый компьютер, – и тот (после отдыха, или с перепугу), – решил заработать, издав визгливое утробное рычание. «Контакт» загрузился. Но сейчас Ангела, конечно, не смогла рассказать Инге ничего, – она лишь убедилась, что подруга существует, не исчезла в никуда. Этот простой факт согрел душу в момент, когда привычный мир пошатнулся... Там же она легко нашла Викторию. Почти такая же фотография, как только что виденная. Не зная, что написать ей, Ангела просто послала заявку в друзья, хотя сама не любила, когда незнакомцы предлагают «дружбу» без пояснений. Но на пояснения не было сил.

Следующий день прошел как во сне. Они играли с Олесей, гуляли, – но в голове непрерывно вертелись мысли о клоне, Виктории, Александре... Вечером Ангела села писать Инге. Собственное письмо выглядело безумным бредом. Хорошо еще, что Инга была в курсе давнишних тайн, связанных с возлюбленным подруги: она помнила странные сны, словно она была в них не собой, а кем-то другим, – и эти сны имели какое-то отношение к Ангеле, Александру, и Косте Новаковскому. Возможно, Инга не сочтет, что подруга сошла с ума (что, впрочем, было бы вполне логично при ее жизни в убогом северном городке, загадочным муже, и ещё более странной, живущей в своем мире, маленькой дочке).

Как только у Александра выдался выходной день, Ангела заявила, что устала и хочет развеяться, съездить в «поле». Так они называли конюшню с обширным прилегающим выгоном, граничащим с лесом и деревенскими полями. Хорошо, что в том направлении ходил прямой автобус, без пересадок. Кони были не дешевым удовольствием, но оно того стоило. Ехать всем вместе и катать Олесю – это тоже замечательно; но не сегодня. Сегодня ей остро необходимо побыть одной.

Хозяйка конефермы, Алёна, отпускала Анжелу кататься одну, без сопровождения. Коня Ангела не украдет, и, к тому же, совершеннолетняя – то есть, отвечать за неё не надо.

Скакать рысью или галопом Ангела самостоятельно побоялась бы, но просто ехать шагом могла и одна, благо здесь только луг и поля, а трасса далеко.

– Лазурь моя! Девочка, здравствуй! – Ангела обняла тёплую шею крепкой, коренастой лошади с блестящей шерстью каштаново-красного цвета, настолько яркого, что имя почему-то казалось очень подходящим, хоть и означало ярко-синий цвет.

Лазурь приветственно заржала, забила передним копытом.

– Принесла я тебе угощение, – засмеялась Анжела, вынимая из мешочка морковку и подсоленный хлеб. Лошадь схрумкала принесенное лакомство, и снова застучала копытом. – Остальное позже получишь!

При всей своей массивности Лазурь не отличалась высоким ростом, и Анжела могла взобраться на нее без особого труда, или посторонней помощи: главное, вставить ногу в стремя, и крепко ухватиться за седло, после чего оказаться на широкой лошадиной спине уже просто.

– Вперёд! Пошла, шагом!

Блаженство. Просто блаженство. Анжела почти лежала на лошади, обнимая за шею, а та медленно (Лазурь вообще была ленивой) шла по тропинке, между трав. И пусть здесь нет цветов (разве что редкие одуванчики), и одуряющих запахов, – как, наверное, где-нибудь на юге, или в средней полосе. И поле всего лишь картофельное, унылое. А за ним лес – в основном, все те же темные сосны. Но все же, всё же...

Тропинка была неровной, Лазурь часто сбивалась с ритма, попадая в ямки. Хорошо, что шаг у нее такой медленный. Потихоньку они дошли до леса, а манящая тропинка шла дальше, между сосен, – она выглядела там более ровной и плотной, чем между рыхлыми полями.

– Ну что, пройдемся в лес чуть-чуть? Представляешь, Лазурь, – они говорят, что я всего лишь клон... – кто такие «они», Анжела и сама не знала.

Внезапно Лазурь вздрогнула, повела ушами.

– Что такое? – Анжела крепче ухватила повод, напрягла спину и ноги. И очень вовремя. Лошадь фыркнула, и внезапно пошла рысью. Если бы это был другой конь, порезвее, а деревья не мешали бы разогнаться по полной, – Анжела вполне могла бы свалиться.

– Куда ты! Стой! – девушка натягивала удила безо всякого эффекта. Лошадь, наконец, выскочила на поляну, и затанцевала на месте.

– Стой! Да что с тобой?! Нам обратно надо; заблудимся же! Стой, говорю! – Анжела измучилась удерживать животное.

Лазурь вдруг как-то резко успокоилась, – отдышалась, и стала жевать траву (что было тоже малопривлекательно для всадницы, потому что по опущенной вниз шее легко скатиться вниз). Анжела заставила лошадь поднять голову, и та, наконец, подчинилась.

– День добрый! Прошу прощения за устроенный переполох; это я виноват, – послышался шелестящий голос откуда-то снизу и сбоку. – Вы прекрасно справились; да и я потом лошадку успокоил; это на меня она среагировала, чудить начала...

Анжела резко обернулась.

ГЛАВА 3

Виктория

«Самое паршивое, что не с кем поделиться», – тоскливо думалось Виктории. – «Вика Смирнова, конечно, догадывается кое о чем, частично, – но она вовсе не подруга мне. Не близкая.» Подругам она пыталась хоть что-то частично рассказать (ту часть, что была относительно приемлема), но в ответ слышала такие банальности, что дальше и говорить не хотелось. Всех интересовали подробности криминальной составляющей истории, даже чересчур интересовали. Но если Виктория пыталась объяснить кому-то свои эмоции, – подруги отмахивались: «Ерунда всё! Тебе-то он никто.» Никто... Так почти про всех можно сказать – если не задуматься чуточку глубже. Все всем никто, в общем-то. Кроме родных. Переживания за родных нормальны, и даже приветствуются, остальное – дурь.

Главный парадокс заключался в том, что ее наверняка понял бы Андрей. Если, конечно, попасть в момент его настроения разговора по душам, когда можно обсуждать все темы, даже те, что на грани. Только все реже теперь случалось, чтобы он был в настроении. Все чаще обижался с полуслова, не успев дослушать, – это стало уже привычным. Он уставал от бесконечной работы на две ставки, раздражался буквально на всё. Поэтому зачастую она вела себя отчужденно, дабы не провоцировать ссоры. Порой она всё же могла обсудить с ним вещи, которые не понял бы ни один друг.

Кроме, конечно, этой темы. Об этом как раз ему нельзя ничего. Ни про Арсена, ни про Ибрагима... Он понимал, что с ней что-то происходит, но не задавал вопросов. Его душа по-прежнему оставалась загадкой для нее; загадкой, которую уже не хотелось разгадывать. Это мучило, отдаляя друг от друга дальше и дальше. Но, спросить: «Что ты знаешь?» – означало, завести разговор, который уже не остановить. Безысходность какая-то...

Однажды, душевной летней ночью, ей не спалось (впрочем, ей часто не спалось). Она долго читала, потом лежала с открытыми глазами, и, наконец, не выдержала, – встала, накапала себе корвалола, затем спустилась во двор с сигаретой в руке. И вздрогнула. На скамейке возле подъезда сидел незнакомый подросток с рюкзаком за спиной. Поздоровался, пододвинулся, освобождая место. И продолжал смотреть в ночное небо, на звёзды. У него не было ни пива, ни сигареты; он явно не ждал такси; даже не смотрел в телефон. Виктория не выдержала:

– С тобой всё в порядке?

Кивнул, улыбаясь.

– Ты кого-то ждёшь?

Покачал головой. Затем произнёс задумчиво:

– Здесь еще совсем тепло. А на севере уже осень наступила...

– На севере – это где?

– В Лисовске, конечно.

(«Почему это «конечно»?»)

– Ты из Лисовска?

– Да.

– А здесь... в гости к кому-то?

– Нет; я учусь здесь.

– Мы тоже там жили когда-то. Привет Лисовску...

Усмехнулся.

– Точно всё хорошо?

– Да...

Виктория ушла, недоумевая: «Ну, что это могло быть? Не может быть никакого нормального объяснения!» Хотя нормальных объяснений чего-либо в последние годы не наблюдалось давно; пора привыкать. Тем не менее, она сразу заснула, и ей приснилось что-то доброе и фантастическое.

Парень с рюкзаком поднялся с лавочки, потянулся, звонко зевнул, словно мяукнул, и... исчез.

Анжела

– Что это?! – прошептала Анжела. Она бы взвизгнула, или закричала, но горло сдавило от страха.

Перед её глазами оказалось существо, едва достающее головой до стремени, одетое в какую-то потертую, замшелую, старинную крестьянскую одежку. На голове непонятного создания, невзирая на летнее тепло, красовалась шапка-ушанка, а лицо, – если это было лицо, – казалось грубо вытесанным из старой деревяшки. На носу, напоминавшем сучок, то ли прилипли, то ли росли березовые листья; рот был похож на трещину в деревяшке. Зато яркие зелёные глаза смотрели совершенно беззлобно, хитро и насмешливо.

– Да не бойтесь вы меня, сударыня! – вновь заговорил загадочный незнакомец. – Ну, леший я, леший. Савелием величают. А вы – Анжела. После того, что вы недавно раз узнали, я не думал, что встреча со мной станет большим потрясением...

– Откуда вы... знаете? Меня? Что значит – леший? Что вообще происходит? – голос Анжелы срывался.

– Для того я и пришёл, чтоб объяснить... И лошадь зазвал сюда. Животинки меня слушаются. Правда, при неожиданной встрече, тоже пугаются вначале, шалить начинают... Потому что деваться некуда: больше вам все равно никто ничего не скажет. Да вы бы спешились... Не бойтесь, лошадка никуда не уйдёт, и никто её не съест. А мы с вами прогулялись бы, поговорили.

– Да мне же домой пора! И Лазурь вернуть – хозяйка, небось, уже беспокоится. – То ли леший мог воздействовать и на людей, то ли всплыло что-то в скрытых уголках собственной памяти, – неизвестно. Только встреча с Савелием начинала казаться Анжеле вполне естественной.

– Об этом не беспокойтесь – мы сейчас в безвременье. Вернетесь из леса вы в ту же минуту, когда лошадь начала нервничать.

– Как так?

– Вот так. У вас там время идет, а у нас... тоже, конечно, в каком-то смысле, но гораздо медленнее. В вашем мире пройдут секунды.

«Не думай о секундах свысока», – прозвучали в голове слова известной песни. Да, бывают секунды важнее дней и месяцев... Она улыбнулась лешему, погладила холку стоявшей, словно в глубокой задумчивости, Лазури, и прыгнула на землю. Савелий протянул было древесные ладони – но, проявить галантность, подхватив даму, не получилось, в силу малого роста.

...

– Пойдёмте... я вас ещё кое с кем познакомлю. Раз уж вышло так... Лучше рассказать все, чем будете додумывать невесть что. Да, кстати, – Александру лучше ничего не говорить.

– Я и сама не собиралась, – вскинула подбородок Анжела.

Тропинка, по которой шли Анжела и ее странный спутник, безбожно петляла. У Анжелы даже голова закружилась, чего с ней никогда не случалось. Лес быстро сгущался, но солнечные лучи проникали сквозь листву. Страх не было. Был интерес. Только вот Анжела заранее предчувствовала свою тоску после... Сейчас она находилась (с ума сойти!) с тем, кто ее понимает, и обещает что-то объяснить; а вот после... Каким бы ни оказалось объяснение, – дальше ей снова жить среди тех, кому ничего нельзя рассказать.

– Куда мы идём?

– К другу. Уже пришли, считай. – Они и впрямь оказались на опушке, где виднелась какая-то маленькая хижина, а за ней... кажется, кладбище?

– Феофан – мой старинный друг. Кладбищенский сторож. Тоже с Александром знаком... Все свои, считай.

– Тоже... леший?

– Нет. Говорю – Сторож.

– Но и не человек?

– Когда-то человеком был... Затем взяли на такую вот службу. Заместо смерти, должно быть. – Савелий пожал узкими плечиками. – Я как-то в подробности и не вдавался. Всегда знал его таким, какой есть...

– Давно?

– Лет двести, а может, больше. Нам этот подсчет...

Савелий легонько поскребся в деревянную дверь, обитую проржавевшими железными полосами. Впрочем, сам домик оказался совсем не сказочным. Обычная, и вполне современная сторожка. Дверь приоткрылась с негромким скрипом; из-за нее высунулась косматая голова.

– Привёл-таки! Ну, здравствуй, красавица! Молодец, не испугалась... – Феофан шире распахнул дверь, и отошёл в сторону, впуская гостей. Ростом он был выше лешего, поэтому общаться с ним, глядеть в чёрные цыганские глаза, было намного удобнее. Одет он был по-летнему – в рубаху из грубой ткани, жилетку и мешковатые штаны. – Проходите, располагайтесь. Я, вот, чайник согрел...

– Здравствуйте, Феофан! – Анжела с любопытством разглядывала дом и хозяина. В домике было тесновато, зато чистенько и уютно, хотя печка сейчас не топилась. Единственное окошко, с белыми, вышитыми красным орнаментом с петухами, занавесками, смотрело на кладбище, но, тем не менее, это обстоятельство почему-то не придавало мрачности.

– Предлагаю перейти на «ты». Как-то с Александром твоим привыкли так...

– Согласна.

Анжела, по примеру друзей, уселась за стол на березовый чурбачок, предварительно оглядев его на предмет сучков, – не хотелось бы джинсы зацепить, – но чурбак был вполне гладким, разве что низковатым для нее. Феофан разлил ароматный, пахнувший малиной, чай по керамическим кружкам, поставил на стол плетёное блюдо с неизменными бубликами, вазочку с вареньем из земляники. Анжела машинально взяла кружку, сделала глоток...

– Ну, с чего начнём? – бодро проговорил Савелий, обхватив кружку обеими тонкими сучковатыми руками.

Анжела думала не долго:

– С клона! Что это значит, как это я могу быть чьим-то клоном?! – выкрикнула она возмущенно. – Затем... что это за ноутбук вообще? Чей он, и как оказался у Саши? И что всё это значит? Затем – сам Саша! Что значит —наполовину душа Александра Решетникова, наполовину Арсена?! Про Арсена я читала. И про Викторину. Потрясающая история, но при чём тут мы... я и Олеся! И даже Руслан, наверное...

Голос ее постепенно затихал, становился спокойнее и печальнее.

Леший сокрушенно вздохнул, и выразительно уставился на друга своими яркими, наивно-детскими глазищами.

– Да-а, сударыня... много сразу. Понимаю... Узнать такое внезапно и случайно. Был бы Астарий сейчас другом, так не согласится он на встречу: «Я стар, я стар...» «Я супер-стар», как в анекдоте, – ухмыльнулся кладбищенский сторож; и даже Анжела хихикнула, не удержавшись. В этой странной компании ей было на удивление легко и спокойно. Кто такой Астарий, она не знала, но сердце уже подсказало: всплыло воспоминание о древней полуразрушенной церквушке и грозном старике-священнике.

– Начнет помощника своего нового предлагать, а тот ни сном, ни духом ведь... Не знает он той истории, перед ним... Да и нам не друг... Ладно! – он хлопнул себя по колену жилистой ладонью. – Как сможем... Постараюсь коротко. Слушай. Астарий, – насколько это известно нам, да и ему, – так сказать, управленец людскими судьбами от Высших Сил. Человек, но почти бессмертный. Но, почти. Направляет, исправляет, подстрекает, искушает, помогает и решает.

– Искушает? Значит, так вот на самом деле выглядит Дьявол? – перебила Анжела.

– В контексте твоего вопроса – да, – улыбнулся Феофан. – Я понял тебя, но всё же уточню, что он не тот самый, из Библии... Он управляет на Земле, и связан с Высшими. Он не один, на Земле таких несколько. Больше не задавай лишних вопросов, ибо тогда мы увязнем в теологии. К тому же я знаю лишь то, что знаю от него, и на многие вопросы точных ответов нет... Так вот, несколько лет назад, когда он решил, что стал слишком стар, – (улыбнувшись), – Астарий нашёл себе преемника, – чтобы тот вначале просто помогал, а после, мог, видимо, заменить. Дело это – длительное. Помощником должен был стать уже небезызвестный тебе Арсен. Не знаю, по какому принципу выбирают; не спрашивай. Но Арсен был духом, ему в любом случае потом нужно было бы тело. Живое. Вот и нашли подходящего человека – Александра Решетникова. Куда делся его дух, или как там они слились в единое – этого я тоже не знаю. Знаю, что так... Ноутбук этот Арсену от Астария достался; это... техническое средство их работы. Кстати, – а ты туда влезла! Ничего хоть не натворила там?

– Нет, кажется... Читала только. Хотела у Виктории поправить настроение в семье, нажала на «изменить», но... выскочило столько путей, что побоялась я выбрать...

– И правильно...

– Погоди-ка! – звонкий голос Савелия, до сих пор внимательно слушавшего обоих, заставил Анжелу вздрогнуть. – Ты нажала на «изменить», и ноут слышался тебя? И вообще... открылся тебе? Он ведь вообще давно должен быть нерабочим, насколько я понимаю...

– Сначала он и был словно закрыт, заменен какой-то непонятной версией обычного компьютера. Я вернула его к «предыдущей версии».

– Значит, он воспринял тебя за свою! Я так понимаю. За наших... Не за человека!

– Ну надо же, какая радость, – буркнула Анжела. – Я бы предпочла, чтоб меня воспринимали за человека, как раз...

– Во-всяком случае, я рад, что зазвал тебя сюда. Раз ты не совсем человек (ну ладно, самую чуточку), – это вполне оправдывает твоё присутствие здесь. Нам ведь нельзя людям показываться, да тайны раскрывать, видишь ли...

– Но какого лешего, – смущенный взгляд на Савелия, – я клон? Я же сама вижу, что мы с Викторией отличаемся?

– Видишь ли... конечно, ты не изначально клоном была. – Настал черед смутиться Савелию. – Арсен, как ты помнишь, сходил с ума по Виктории этой; Астарий не знал, как ее из его башки убрать, чтоб тот за дело взялся, оставил прошлое в прошлом... И нашёл для него тебя. Очень похожую. Видимо, изменил что-то чуточку в тебе; ну и судьба стала автоматически повторяться.

– А меня, главное, никто и не спросил! – возмутилась Анжела.

– Знаешь, а нас вообще никого не спрашивают. – Задумчиво проговорил Феофан. – ни вас, ни нас. Ни самого Астария, наверное...

ГЛАВА 4

Астарий

– Нет, нет, и не проси даже! Не буду я встречаться с этой наглой девчонкой! Она еще и ноутбук нашла, разблокировать ухитрилась! Вечно лезет, куда её не зовут... Пригласи её на встречу с Родионом, да пусть прихватит с собой устройство. Измените ей там что-нибудь, ну и конечно, – заберите вещь из нежных ручек. Только без меня.

– Боишься её? – Савелий глядел на преувеличенно грозного старика с усмешкой. Верный признак, что Астарий чувствует себя неловко, маскируя гневом истинные эмоции.

– Боюсь. Я могу и на поводу пойти, я стал сентиментален к старости. Есть Родион, вот пусть он и разбирается.

– Да ведь Родион твой – чурка с глазами! Робот-технар! К тому же он ни черта не знает о той истории, – что он может понять и исправить?! Тебе просто стыдно перед ней, так и скажи! – вспылil леший. – Астарий, дорогой! Ну пожалуйста! Нам ты нужен, ты! Ну переступи ты гордыню свою! Что нам с Родионом делать; чужой он нам...

– Он знает законы. Знает, как пользоваться устройством. Этого достаточно... Остальное – на её усмотрение. Что возможно выполнить – сделайте. А ноут заберите. Неровен час, всё же вытворит она что, – старик устало покачал головой. – Не могу я её видеть, пойми...

Плечи лешего поникли, яркие глаза затуманились. Никак не уговорить старого упрямца – а им с Феофаном каково? Считай, просто бросил их – как если бы штурман оставил двух стюардесс самолетом управлять... Родиона они почти не знают, тот к ним и не обращается никогда. Строго следует инструкциям, и всё тут. Бездушный какой-то. Вот ведь интересно: у людей душа есть, у животных якобы нет, у нечисти – искаженная. А на самом деле всё зависит от каждой конкретной твари. Во всём так... Савелий медленно и печально исчез, кувырнувшись в зарослях травы.

Астарий с тоской смотрел ему вслед. Чудовищно стыдно. Но, как только он представлял себе укоризненный взгляд Анжелы и её возмущения по поводу клонирования, – душевные силы покидали его. Девчонка, пигалица! Она еще в ту первую памятную встречу умудрялась права качать, – вместо того, чтобы лежать в глубоком обмороке, после всех потрясений и открытий, как полагалось бы нормальной смертной... Девочка, как же я виноват перед тобой! Использовал твою жизнь в качестве приманки неверного преемника. И, если бы не решение Арсена бросить всё ради человеческой любви и жизни, – твоя судьба вовсе оказалась бы никому не интересна; тебя просто бросили бы, как сломанную игрушку...

Теперь он сам не мог понять, отчего так поступил. Так распалило желание заставить Арсена позабыть Викторию; доказать, что незаменимых нет... Зачем? Ведь сразу было видно: сколько волка ни корми... сейчас-то он сознавал это. А тогда? Так сильно мечтал получить в помощники именно эту неподдающуюся душу? Видимо, да...

С той поры, как внезапно приоткрывшееся окно в собственное прошлое (не без нечаянной помощи Арсена, да двух неразлучных друзей, Савелия с Феофаном), чуть не вышибло из него дух, – Астарий сильно изменился. Замкнулся в себе; с друзьями общался редко и неохотно; обучал нового помощника Родиона, – гладко и холодно, без лишних вопросов и откровений, благо и тот был доволен именно таким способом общения и обучения. Родион был взрослым человеком, достаточно повидавшим от жизни, чтобы не желать её повторения; задания он исполнял чётко и быстро. Власть и новые возможности приводили его в восторг, а испытывать у старика что-то сверх того ему не хотелось.

Астарий был почти ребенком в ту пору, когда великий Эльбиус призвал его в помощники, и все посчитали это за великую честь; впрочем, так оно и было...

В те далекие времена не возникало необходимости скрывать силу и власть; Эльбиус по праву считался величайшим магом. Верховный жрец друидов мог внезапно исчезать и появляться, когда и где угодно; мог кудесничать, повелевать, творить любые изменения в мире на глазах у своего народа, и, разумеется, – жить сколько угодно. Никто бы и не осмелился спросить, сколько ему лет. Он не был дряхлым стариком – он готовил преемника лишь потому, что численность населения неуклонно росла, а таких, как он, было лишь трое...

Семнадцатилетний Астарий, красивый и неглупый юноша, погибал от смертельной раны, нанесенной ему диким вепрем во время неудачной охоты. Душа его уже стремилась к Небесам, а Эльбиус вернул его, позволив лишь пробную краткую прогулку Туда. Но, возвратившись в своё тело, Астарий оказался уже другим. Никто не заметил того; родители были счастливы чудесным исцелением сына, и вполне довольны тем обстоятельством, что он станет учеником верховного жреца.

Всё шло неплохо: Астарий постепенно изучал законы и жизнь; не торопясь, вкушал и познавал все возможные удовольствия, искушения, доступные для людей. Учитель не торопил его с работой, и, казалось, его жизнь мало чем отличалась от прежней, во-всяком случае, внешне.

А затем случилось это... Кевен, его лучший друг, с которым они играли в детстве, а с двенадцати лет начинали обучаться военному делу и охоте, – всегда был неразлучен с Астарием, до того трагического случая. Стройный и белокурый, нежный, немного похожий на девушку, – столь разительно отличавшийся от Астария внешне, – он нисколько не уступал другу в ловкости и силе... Кевен скучал по товарищу, который теперь поневоле отдалился от него.

Да и самому Астарию порой безумно хотелось возобновить прежнее беззаботное, не омраченное тайнами, общение. Порой ему становилось просто невыносимо в своем одиночестве среди бывших родных и друзей, – его уважали, но относились теперь с трепетом и некоторым страхом, как к ученику мага. Никто ни о чём не смел расспрашивать Астария, никто не беседовал искренне. Казалось, близких у него больше не было. Лишь Кевен порой допускал какие-то прежние шутки, намекая на прежнюю близость, – при этом синие глаза его были печальны, но в них теплилась угасающая надежда.

И однажды Астарий не выдержал. Поддавшись слабости – потребности поделиться сокровенным с живой и теплой, понимающей душой, поведал Кевену подробности своей нынешней жизни. Кевен был не столь уж потрясен услышанным – он и так готов был воспринять нечто совершенно необычное, а в те годы к чудесам вообще относились проще. Он был счастлив, что Астарий – вновь его друг; настоящий друг, который ничего не скрывает. Но всё же его опечалил тот факт, что возраст для Астария, по человеческим меркам, считай, остановился.

– Как же так, – мне будет сорок, а тебе – восемнадцать? Я стану совсем старым – а тебе все еще будет около двадцати?

«Ах, Кевен. Не станешь ты старым... И виноват в этом я...»

Гнев Эльбиуса был страшен.

– Как посмел ты нарушить закон?! Первую заповедь, что смертные не могут знать о нас!

– Учитель, я... Простите! Кевен никому не скажет! Это было важно лишь ему, он мой друг...

– Замолчи. Да, он никому не скажет. Не успеет. Думаю, это будет для тебя уроком на всю оставшуюся жизнь.

– Учитель, прошу...

– Я сказал – ни слова больше. Ты ничего не изменишь.

Это было похоже на страшный сон. Ему пришлось наблюдать, и даже участвовать в жертвоприношении, дабы умиловить бога Тевтата, зная при этом, что никакого конкретного

Тевтата, требующего задушить трёх юных воинов, не существует. Есть лишь воля Эльбиуса, его дьявольские книги, да странный предмет с кнопками и черным прямоугольником посередине, который, засветившись колдовским светом, мог показывать линии отдельных людских судеб и целого народа. Эльбиус мог менять эти линии нажатием кнопок, что он и сделал, прежде чем торжественно объявить список приносимых в жертву, среди которых теперь значился и Кевен...

Как ненавидел Астарий это устройство, за работой которого ему пока позволялось лишь наблюдать; как ненавидел он самого Эльбиуса! До тех самых пор, пока этот кошмар почему-то вдруг не стерся из его памяти. Его безжалостный наставник думал, что это послужит парню хорошим уроком; но он ошибся. Астарий возненавидел и его, и свою миссию; он не желал больше ничего познавать, не читал научные труды об устройстве мира, не слушал наставника, и не собирался смириться. Только обратного пути не было. Можно было просто уничтожить взбунтовавшегося ученика, и подобрать другого, но Эльбиус предпочел щадящий вариант со стиранием кусочка памяти, в котором находилось все, так или иначе связанное с Кевеном...

Лишь теперь возникли эти воспоминания; эти, и другие... Слова Феофана пробили какую-то брешь в искусственных защитных оболочках памяти старика: вначале перед глазами поплыли разрозненные смутные образы, затем воспоминания хлынули на него безудержным потоком, оглушая, сводя с ума, а после выстроились в ясный печальный ряд... Эльбиуса давно не было на свете; магия, наведенная им, ослабла, – она продолжала держаться лишь по инерции, потому что никто не пытался ее снять.

Астарий смотрел другие воплощения Кевена. Оказывается, тому нигде не удавалось прожить дольше семнадцати лет. Неужто именно поэтому... он так отчаянно хотел сделать преемником именно Арсена, то есть, тогда уже Александра; искал любые пути, готов был предоставить ему все условия! Но он ушёл. Он вновь оставил его одного! Астарий не отдавал себе отчёта тогда, почему это оказалось настолько больно. Обрести, наконец, – и тут же потерять вновь; преподнести ему на блюдечке клонированную любимую, чтобы только удержать, – и так жестоко ошибиться! Но зато... зато он исправил свою вину хотя бы в одном: сейчас Александру было уже тридцать восемь. Впервые. Вот только... легче ли ему от этого, с такой жизнью? Ни говоря уже про Анжелу... Старик обхватил руками похожую на череп голову, и застонал, медленно раскачиваясь...

ГЛАВА 5

Анжела

– Ты какая-то задумчивая сегодня. – Александр поставил свою огромную чашку (любил такие, даже кофе пил из больших кружек, – много, и крепкого) с чаем на стол, оторвался от созерцания медицинских новостей в телефоне. Взглянул на Анжелу. Простая констатация факта. Можно не отвечать...

Анжела вздохнула. Она вымоталась за день, оказавшийся для нее более длинным, чем для остальных. Вернувшись с прогулки, она приготовила обед. Затем всей семьей поехали на озеро – погулять по песчаному пляжу, побродить босыми ногами по воде, покормить чаек, да побросать с Олесей камешки в воду. Лето выдалось нежаркое, для купания вода была слишком прохладной. На обратном пути они закупились продуктами, заехав в единственный на весь поселок, супермаркет. Всё это время Анжела ощущала себя, находящейся в двух мирах одновременно; сосредоточиться на списке с покупками было трудно. Ещё бы...

– Саш, а ты помнишь, как перед свадьбой мы ездили смотреть полуразрушенную старинную церковь?

– Помню. И что?

– Так... прибиралась вчера. Нашла в альбоме засушенные цветы мать-и-мачехи... Задумалась – почему мы вообще поехали тогда именно в Лисовск, именно к этой церкви?

– Не помню... Просто так. Может, кто-то из коллег посоветовал? Город необычный, под старину сохранен. Наверное?

– А там был старый священник?

– В церкви?

– Ну да...

– По-моему, мы там одни были, насколько я помню. Откуда там быть священнику? Церковь-то не действующая.

– А отчего мне помнится, что был кто-то? Старик такой, с яркими глазами.

– Не знаю. – Пожал плечами. – Так об ты этом и думаешь весь день? Может, где-то в городе увидела такого, и запомнила, а я – нет? Или, вообще, – приснился?

– Может, и приснился, – снова вздохнула она. – Да. Я теперь, бывает, вспоминаю какие-то события, и не могу понять, почему вышло именно так. Не обращай внимания. Я все ищу связь, отчего... ну, ты понимаешь. И разное в голову лезет.

– На кого же мне еще внимание обращать? – привычной шуткой ответил Александр, улыбнувшись.

Но Анжеле не было весело. Она прошла в спальню и включила старый компьютер. «Он не любит меня! Он любил Викторию! Меня ему подсунули, как суррогатный кофе!» Она не знала, с чего начать очередное письмо Инге. Переполняли эмоции... Вначале был шок. А теперь, когда она задумалась о чувствах мужа, – накрыло болью.

Она-то любила только его. Ради него отказалась от Новаковского. (Странное дело, к слову: ведь при ней Костя был «восходящей звездой», а после аварии, предотвращенной Александром, после их последнего, несостоявшегося свидания, – о нем больше не было слышно. Изредка Анжела видела его новости в соцсетях, через общих друзей; слышала редкие новые песни, которые не впечатляли и не запоминались. Объявлений о концертах не наблюдалось. Впрочем, она не сильно следила.) Она уехала в этот крохотный северный посёлок, не думая о карьере, лишившись возможности остаться в Республиканской больнице, чтобы жить с Александром. Тогда ей даже не приходило в голову, что она чем-то жертвует. Быть с ним – казалось

ей тогда главным призом, сорванным джек-потом жизни... Почему ей так казалось?! Почему она впервые задумалась об этом лишь сейчас?

Анжела уставилась на себя в зеркало, словно пытаясь найти там ответ. Измученный взгляд, устало-потрясенные глаза, и синяки под ними. Больше ничего нового...

На комоде, между тюбиками помады, пудрой и черным флаконом «Нарцисо Родригез», стояла, в стеклянной изогнутой рамке, свадебная фотография. Никакого гламура. Любительское фото, чуть размытое, – и оттого более настоящее. Счастливая Анжела в пышном белом платье и фате, и, не менее счастливый, Александр, который, влюбленно глядя на невесту, а не в объектив, держал раскрытый зонт. Приглушенная моросющим дождем зелень листвы за фигурами влюбленных. От снимка физически ощущался аромат лета и свежести, мокрой травы... И чувств, конечно. Любовь казалась Анжеле лучшей заменой любых благ. А сейчас любовь обманула ее, сыграла злую шутку. Теперь всё представлялось в другом свете...

Поддавшись зову навязчивой идеи, Анжела открыла страницу Виктории. Быстрые пальцы пробежали по клавишам, и отправили злое отчаянное сообщение. Это было совершенно неумно, но желание написать ей не отступало. Хотя в какой-то поступок выплеснуть эмоции. Избавиться от наваждения можно было лишь одним способом – совершить задуманное. Только тогда Анжела смогла начать длинное и обстоятельное письмо к Инге, пестрящее восклицательными знаками.

Замотанный в полотенце, лохматый после душа, Александр подошел к жене, положил руки ей на плечи:

– Всё пишешь... Целый роман в письмах, наверное.

– Угу-м... – она предусмотрительно стерла все опасные сообщения, оставив видимыми лишь несколько нейтральных. – Оперу пишу. – Рассмеялась. (Имелся в виду старый анекдот про Петьку с Чапаевым: «И про тебя пишу, и про Анку. Опер сказал – про всех писать»).

Что бы ни было, несмотря на обиду, разочарование и душевное отчуждение, – прикосновения мужа все ещё обладали властью над ней. Синий экран компьютера погас. Анжела прильнула к Александру, почувствовала себя маленькой и хрупкой в его руках. Тело посылало спасительные импульсы, и мозг, доведенный до предела, отключился на время...

...

Приметив во дворе гладкую, иссиня-черную кошку, Анжела заторопилась остановить качели и позвать Олесю домой. На чудовищно скрипящие качели давно с вождением смотрела компания детей. В отличие от Олеси, они могли бы найти себе другие развлечения. Ну, пускай радуются теперь... Анжела с дочерью зашагали к дому, всё ещё напевая песенку. У Олеси просто замечательный слух. Если бы она ещё пела все слова по-настоящему, не сглаживая окончания, – запросто могла выступать бы на сцене. На секунду привычно сжалось сердце: почему другие дети, порой с куда более скромными данными, могут показывать себя где-нибудь, хотя бы на утренниках в детских садах, – их хвалят, им аплодируют...

Она обернулась, убедившись, что кошка следует за ними, безо всяких «кис-кис» с её стороны. Правда, она заметила и то, что дворовые сплетницы, сидевшие на скамейке, и до сих пор создававшие вид, что Анжелы с Олесей не существует, – оживились, глядя вслед. Ну, и пусть их...

Большая квадратная прихожая, и прилегающий к ней, балкон, наполненные солнечным светом, были, пожалуй, лучшим местом в квартире. Кошку вежливо пропустили вперед. Анжела немного опасалась Олесиной реакции, но полагала, что Савелий знает, что делает. В прошлую встречу – прежде чем проститься – он объяснил, что в кошачьем облиии ему сподручнее на люди показываться.

– Приветствую обеих! Здесь и обитаете, выходит? Неплохая квартирка, по мне так... – Леший уже обернулся самым собой, – а в какой момент – ускользнуло от Анжелы. – Разве что тебе в город хочется, поди...

– Привет! – чисто выговорила Олеся, и, счастливо рассмеявшись, протянула Савелию розовую ладошку, с совсем еще детскими пальчиками. Анжела глядела на них в изумлении: хорошенькая семилетняя девочка с пушистыми русыми кудряшками, в платьице в синюю клетку, и это чудо лесное, ласково пожимавшее ее ручку своей деревянной лапой, – были практически одного роста

– Ты Чудище-Снежище? – продолжала Олеся.

– Не совсем... – смутился Савелий. Сейчас ведь снега нет, видишь? – Меня зовут Савелий.

– А меня – Олеся! Это из песни: «Кудесница леса, Олеся...» А, ты – леший, я знаю. В «Снегурочке» тоже лешии такие.

– Ну да! Все-то сказки ты знаешь... Кудесница леса прямо наша...

У Анжелы пересохло во рту; она боялась спугнуть счастье... надолго ли оно? Олеся даже выглядела теперь иначе – смешливой девчонкой-первоклашкой. Ребенком. А не загадочной маленькой взрослой, с недоступными пониманию думами, омрачающими детский лобик, с постоянным напряжением в глазах, или же, напротив, – с чрезмерной веселостью без видимых причин. Без речи, практически. Только стихи и рифмы, заученные фразы из мультфильмов...

– Раз сегодня вы вдвоём, приглашаю обеих на прогулку... И в гости!

– Ура! – захлопала в ладоши Олеся.

– Туда же, к Феофану? – еле смогла выговорить Анжела. – Олеся, ты... есть не хочешь? Путь не очень близкий. Она старалась говорить обыденно. В самом деле, не кричать же: «Ты говоришь!!!»

– Я пить хочу. И в туалет.

– Да, ты права. И мне надо сделать то же самое... – особенно нужно выпить воды, а то теперь собственный язык слушался плоховато.

– Савелий... это как? Это при тебе только, не насовсем? – прошептала Анжела, когда дочь отошла на минутку.

– Думаю, нет, – грустно покачал головой леший. Зеленые глаза были полны нежности и печали. – Ноутбук захвати... Вперёд, девчата, в путь! – громко позвал он, зевнул, потянулся, и... Анжела словно бы моргнула, – и перед ней на цветастом половичке уже выгибала спину черная кошка.

– Я сейчас! – Анжела метнулась в спальню, вновь появившись оттуда, с чёрным чемоданчиком в руках. – Пошли, Олесенька!

Компания бодро зашагала от дома в сторону лесополосы. Там, на тропинке, вдали от людских взглядов, Савелий вновь принял своё обличье, а тропа начала кружить и петлять. Вскоре они очутились возле знакомого домика Феофана.

– Здравствуйте, гости дорогие! – Феофан распахнул дверь, подмигнув Олесе чёрным разбойничьим глазом. – Ждем вас. Входите, входите!

Олеся с восхищением разглядывала печку, домотканые половики, пучки засушенных растений и связки грибов, развешенные по стенам.

– А я думала, мы к бабе Яге идём!

– К Яге... нет, Яга – она подальше живёт, к ней так быстро не доберешься. Есть тут одна, правда... но на Ягу не потянет. Садись, дорогая! – он пододвинул Олесе гладкий чурбачок, ласково потрепал мозолистой рукой светлые кудряшки. – Вот тебе чаек, негорячий... Варенье земляничное, бублики. И вы присаживайтесь, – кивнул Анжеле и Савелию.

– Ты же дома чай не пьешь, – изумилась Анжела, глядя на уплетающую бублик с вареньем дочь. Да что там, – она и варенья никогда не ела. Никакого, самого вкусного. Из сладостей признавала лишь конфеты.

– Дома не такой! – засмеялась Олеся.

– Ноутбук принесли? – поинтересовался Феофан. – Эта наша встреча, скажем так... была организована несколько против воли начальства. Лучше сейчас без них посоображать, спокойно. А то Астарий грозился Родиона на нас насрать...

– Кто это? – кусая бублик, спросила Анжела.

– Помощник его, заместитель новый... Ну что, зайчонок, ты поела?

Олеся кивнула.

– В игрушки играть будешь?

– А в какие?

– А вот смотри... – Феофан отдернул занавеску, отделявшую заднюю часть комнаты, с кроватью, покрытой лоскутным одеялом. На кровати что-то шевелилось и пищало. Совенок, бельчонок и мышка-полевка! Олеся взвизгнула от восторга, бросилась к ним. Зверушки не убежали и не дрались между собой; они пищали, ползали по девочке, разрешали себя гладить, а мышка даже кружилась в танце! Олеся взяла пару бубликов со стола для своих питомцев.

– Точно не укусят? – с завороченной улыбкой глядя на дочь, но всё-таки чуть встревоженно спросила Анжела.

– Нет, конечно... Я же им сказал! – гордо ответил Савелий.

– Почему она... так с вами? Почему нельзя так насовсем, если она может?! – отчаянным шепотом.

– Ну ты же сама понимаешь. – Феофан склонил голову и невесело улыбнулся. – Она даже больше «наша», чем ты... Здесь она среди своих. Здесь говорит душа...

– А почему вообще всё так, за что? Из-за той истории? А её изменить нельзя никак?!

– Посмотрим. Не нервируй её, не наблюдай; пусть себе играет спокойно. А вот... «вас, Штирлиц, я попрошу остаться!» – лицо внезапно Феофана посуровело. Но Анжела всё равно смотрела на него почти влюбленно.

– Откуда? – улыбнулась. – Про Штирлица?!

– Откуда, откуда... Что я, телевизор смотреть не могу, по-твоему? Не то тебя волнует. Скажи лучше – ну зачем, зачем ты Виктории написала? Кто тебя просил, а? Что один, что вторая. Не можете не учудить чего-нибудь! Не живется вам без этого! Верно говорят: муж да жена – одна сатана... Впрочем, наверное, вы все такие, – рукой махнул.

– Всё? Какие?

– Смертные. Любопытные, невыдержанные, творящие что попало под эмоциями, а не подумав, как след...

– Ну... Не буду больше. Правда-правда! А... как вы узнали так быстро? Я ведь сама... почти забыла...

– Вот! Вот так вы и делаете дела! На эмоциях натворите, и забудете! А нам – расхлебывать. Да ладно... Откуда знаем? Астарий любезно сообщил. Сильно ругался... Вот скажи, чего ты хотела добиться этим?

– Ничего, – Анжела пожала плечами. – Просто... Если она его любовь, а не я... то может, имеет право знать. Я не буду удерживать, скрывать...

– Гордая, да? – всплеснул руками Феофан. – Боже ты мой... Ты хоть понимаешь, куда ты послала сообщение? – (с ударением на «куда»). – В две тыщи двадцатый год! Ты собираешься гордо пожертвовать мужем, «отдать им их любовь», а её, может, нет в вашем времени! Понимаешь?!

– Нет... Я не знала...

– Читать надо было даты в соцсети, хотя бы! И что теперь будет?! Придётся ей как-то дальше объяснять, и про время тоже. Но как? Не тебе бы этим заниматься!

– Феофан... а как же сообщение ушло? В будущее?

– Этого я уже не знаю. Эти ваши компьютеры – искусственные разумы, живут своей жизнью. Хранят многое, что стерто. Кто их разберёт... Но Виктория в теперешнем времени, в две

тысячи четвертом, – если она вообще есть – моложе тебя. Она еще ни Арсена не знает, ни соцсетей не имеет. Тебе показывают тот период ее жизни, видимо, который оказывает влияние на твою. Я так думаю... А здесь её вообще может не быть. Мир изменился, многое может быть иначе.

– Выходит, это не просто время, а словно вообще разные миры? Параллельные? – задумалась Анжела.

– И так, и не совсем. Не то, чтоб параллельные прямо уж... Наш мир один. Но... каждый человек – это уже свой мир! Каждый видит мир по-своему. И в результате... создает его разные варианты... измерения, – в едином. Видишь, не только Астарий с помощниками влияет на это, а все... В какой-то мере.

– Что же мне теперь делать? – Анжела нахмурилась, задумавшись. – Написать Виктории, что это была глупая шутка? Феофан, а может... и не ушло сообщение?

– Ушло, не сомневайся, – вздохнул кладбищенский сторож. – Что написать? – он запустил пальцы в буйную шевелюру, облокотился на стол, глотнул чаю. – Нет, шуткой не отделаешься. Слишком мало кто мог знать про неё и Арсена, почитай, что и никто... Из тех, кто мог писать. Да не ревнуй ты, хоть сейчас-то! – возмутился он, заметив, как Анжелу передернуло от слов: «её и Арсена». – Воспринимай как другую жизнь, и всё! Собственно, так оно и есть. Просто ты выкопала это. Может, у тебя в прошлой жизни ещё сильнее с кем любовь была, – он же не ревнует?!

– У меня ничего не было. Я клон. – Анжелу прошибло на жалость к себе. Ведь только здесь ей теперь могут посочувствовать, только здесь можно расслабиться. Хоть немного.

– Всё у тебя было, и клоном ты была не всегда. – Феофан потянулся к ней через стол, взял Анжелину ладошку. Рука просто утонула в его грубой, жёсткой, но очень тёплой лапище, хотя сама Анжела была выше сторожа. Заплакать всё ещё хотелось, но стало легче. Да и... о деле думать надо.

– Так вот... Напиши ей, как есть. Это лучше всего. Но без подробностей. Особый упор на то, что у него всё в порядке; и что живёт он в другом (это главное!) времени. И всё...

– А что тебе клоном-то не живется? – вступил в разговор Савелий. – Никто ведь ничего не приказывает. Делай, что захочешь, что считаешь нужным... Виктория – живая женщина в другом измерении. Ты – её копия здесь. Ну и что? Ещё неизвестно, как было бы лучше... Привязались вы к этому слову...

– Да?! А почему я должна чью-то судьбу повторять? – взвилась Анжела.

– Судьба... – протянул Феофан. – Что судьба? Вон, погляди, – он указал на окно, за которым зеленело кладбище. – Всё кончается одинаково... Что было твоим изначально, что сама наработала – мыслями, чувствами, делами, – то от тебя не уйдёт и после. А судьба всё равно варьируется... Ты влюбилась в Александра, хотела быть с ним, – это твоё? Это ты сама, или тебе навязали; как считаешь?

– Не знаю... – прошептала Анжела. – Считала, что моё...

– Если б на тот момент спросили тебя, – согласна ли поступиться чем-то? – согласилась бы?

– Тогда – да. Да ведь он и спрашивал...

– Кто?

– Астарий... в церкви.

– Так значит, и твоя воля в том была, видишь? Не случайно ведь всё. Просто... ты узнала, как это происходит. Оттого и возмущение твоё. Другие ничего не ведают, а полностью никто не свободен...

Анжела молчала, обдумывая сказанное.

– Ты не думай, что мы тебя уговариваем, пытаемся навязать что-то, – сторож заметил тень сомнения, омрачившую лицо женщины. – Видишь ли, если сейчас вернуть тебя в пер-

воначальное состояние... я даже не знаю, что будет, – продолжал Феофан. Он говорил медленно, одновременно размышляя сам. – Астарий знал бы, наверное. А может, и нет... Нам же неведомо даже то, возможно ли это теперь вообще. Мы сейчас варианты разбираем, чтобы ты не ошиблась в решающий момент. А их трудно предугадать, вот так гадая на кофейной гуще, как мы теперь... Вдруг всё изменится слишком сильно? Не страшно тебе? Вот Олеся... я понимаю. Но будет ли она иначе вообще? Мы ведь не знаем даже, что было бы с тобой сейчас, если бы изменения не было. Никто теперь не в силах узнать это...

– Да, а Олеся? – Ангела словно вынырнула из сна. – Она при чём, за что? Вот, взять хоть это одно...

– За что – именно она, – это нам не узнать. Здесь и ноут бессилён. Для нас, во-всяком случае. Это надо смотреть её прошлое... А почему она именно у тебя, вот это, конечно... результат схожести с Викторией. Да... Но теперь-то как уже?

– И, гляди, – снова подхватил Савелий, – сейчас ноутбук у нас, он работает и у тебя. На Викторию мы можем повлиять, на её жизнь, точнее... Мы уже пытались однажды; что-то ведь и вышло. Но, видно, не всё. Астарий и помощник его, они лучше в этом шарят. Надо лишь сформулировать четко, что мы от них хотим... Но, чтобы занялись этим они, а не мы сами, корявыми лапами... А заупрямятся – так ноутбук у тебя; пригрозить можно, что сама начнёшь всем жизни менять! Мало не покажется!

– Да ну, Савелий, детство это, – покачал головой Феофан. – Кто мы против них? Угрожать ещё...

– Не детство, а рабочая гипотеза! – глаза лешего озорно сверкнули.

– Пусть так. – устало согласился сторож. – Сама-то что надумала? – обратился он к несколько обалдевшей Ангеле. – Мы ведь тоже всего лишь предполагаем...

– Значит, я могу делать, что хочу? И жизнь будет меняться? В любом случае?

– Ну конечно...

– А ноутбук останется у меня?

– Да. Но имей в виду – Астарию это сильно не нравится, и он будет стараться изъять его у тебя.

– Значит, надо не отдавать... Согласиться остаться клоном. – Она поморщилась. – И требовать полного восстановления дочери Виктории; их благополучия во всём...

– Ага! Только не зарывайся очень, а то, гляжу, разошлась! – Савелий улыбался деревянным щербатым ртом, глядя на повеселевшую Анжелу. – Про золотую рыбку сказку не забывай.

– Постараюсь. Значит, мы ещё повоюем?!

– Обязательно! А теперь пора вам и домой собираться, воительница ты наша. Дочка там твоя уже всех зверей накормила, напоила, да спать уложила; и сама рядом прилегла... Там у вас времени не убыло, а здесь она всё-таки притомила уже... Буди – и домой. И жди меня опять.

ГЛАВА 6

Астарий

Шло время. Астарий уже работал в полную силу, всё ещё числясь в помощниках. Теперь у него имелось собственное магическое устройство с судьбами людей и народов. Эльбиус набирал и других учеников, но мало кто проходил испытания: одни слишком увлекались искушениями, находясь в собственном теле; другие застревали в чужом сознании, путались с ощущениями; некоторые не выдерживали возложенной на них ответственности, и вынужденного относительного отшельничества. Эльбиус уничтожал таких, не церемонясь. Так или иначе, этим душам суждено было уйти из жизни, и перейти в иное состояние; возможно, воплотиться в новом теле, или же исчезнуть безвозвратно... Дальнейшую судьбу вершил уже не учитель; он лишь прекращал их земное существование.

Астарий практически не встречался с другими избранными. Их влияние и места обитания, разделялись по территориям, но довольно условно. Любой избранник мог мысленно связаться с учителем, мгновенно переместиться в любую точку. Можно было работать самостоятельно, и продолжать изучение мира. Одного Астарий никак не мог выяснить: где находятся Высшие – те, что управляют всеми, те, которым они служат; что вообще они из себя представляют, и каким образом возможно общаться с ними. Эльбиус уверял, что это придёт само, позже. Высшие сами покажут достойному путь к себе, и тогда он станет их полноценным представителем.

К изумлению молодого человека, учитель разрешил ему жениться. При одном условии, конечно, – неразглашении тайны миссии. Энея, маленькая и хрупкая, с огромными, как у оленка, вечно испуганными от осознания значимости и грозности супруга-жреца, темными глазами, – и не пыталась разузнавать подробности. Напротив, она хранила в секрете даже те вещи, которые видела сама, – например, мгновенные исчезновения и появления супруга. Дела жрецов – тайна для народа. Если кому-то из них потребовалось жениться – значит, так нужно. Возможно, чтобы продолжить определенный род... Любил ли её Астарий? Во-всяком случае, ему казалось, что любил. Другой женщины он не знал (не считая, конечно, разнообразного опыта в телесно-душевных путешествиях; но то были всё же не настоящие отношения, не настоящие душа и тело). Энея была нежной и заботливой, а он – молодым и пылким. Она не мешала ему, ни о чём не расспрашивала, – идеальная жена для мага. Впрочем, может быть, не только для мага... Впоследствии Энея состарилась, а Астарий продолжал выглядеть моложе младшего сына, – тогда ему пришлось инсценировать собственную смерть, и, по велению Эльбиуса, найти себе новое пристанище.

Когда суровому, холодному, и, казалось бы, – бесчувственному, как каменный идол, Эльбиусу, – неожиданно пришла в голову нелепая мысль: вопреки всем принципам и традициям, взять в ученицы женщину, по умолчанию считавшуюся низшим существом, – начиналось мрачное время костров Средневековья. Именно тогда и он, и Астарий, заимели привычку часто облачаться в сутану на людях.

Прекрасная Гвендолин не являлась ни ведьмой, ни знахаркой, ни даже принцессой. Обычная молодая жена обычного кузнеца, дочь землепашца. Она просто была красива, неглупа и естественна. Стройная фигурка, роскошные светлые волосы, заплетенные в две гладкие косы, да живое лицо; в синих глазах читался интерес к жизни, чувство юмора, и страстность. Возможно, не было в ней ничего сверхвыдающегося, но в тот период девушки, обладавшие подобными качествами, почти не встречались. В целях собственной безопасности женщины старались реже поднимать глаза на кого-либо, – а если поднимали, то это был взгляд перепуганной

овечки. Да и просто красивых девушек инквизиция не жаловала, поэтому они были редкостью. По той же самой причине, удобней и выгодней было казаться глупенькой и наивной, так что ум тоже расценивался как весьма сомнительное достоинство.

Но... великий Эльбиус тоже был человеком. Которому в кои-то веки понравилась женщина. Слишком долго у него не было живой подруги. Дикая идея создать преемницу женского пола возникла в его загадочном разуме. Неожиданно всё пошло не по плану.

После того, как погибшая в родах молодая женщина внезапно воскресла на глазах у присутствующих, – оставаться среди людей ей больше не представлялось возможным. Выбора у нее не было. Пришлось стать ученицей Эльбиуса. Только вот суровый учитель совсем не привлекал её, как потенциальный возлюбленный; ей и в голову такое не приходило. За долгие годы тот напрочь позабыл, как вести себя, чтобы понравиться женщине; он полагал, что сила и власть с лихвой компенсируют все эти глупости; что она просто подчинится. Может, другая и подчинилась бы. Но не Гвендолин. Она полюбила Астарию. Полюбила ласковый свет его карих глаз, полюбила их разговоры и шуточные перепалки. В отличие от Учителя, Астарий не подавлял величием; они были на равных. Астарий же, в свою очередь, знал изначальные планы Эльбиуса на эту женщину, потому в его мыслях к Гвендолин не было ничего, кроме дружеского расположения.

Час прозрения наступил, когда Эльбиус, наконец, признался Гвендолин, с какой целью назначил её избранницей. Он не сразу сумел понять, что значит: «нет»; великий маг был в недоумении и растерянности. Когда Гвендолин, топнув ножкой, и расплакавшись, исчезла, а затем, мгновенно переместившись, оказалась на пороге обители Астария, – Эльбиус, от неожиданности, даже не стал ей мешать. После её признания Астарию, молодые избранники всё же провели единственную и незабываемую ночь любви...

Астарий был потрясен, опьянен... Он не успел полюбить её – слишком неожиданно всё произошло, чтобы у него могли возникнуть настоящие чувства. И слишком быстро закончилось. Она осталась в его душе вечной болью и виной, а не любовью. На следующий день Эльбиус, с убийственным спокойствием, выбросил Гвендолин обратно к людям, в город, где она жила до того, лишив предварительно особых способностей. Нетрудно представить, что с ней сделали...

Астарий был вынужден смотреть внутренним видением. Изменить он ничего не мог, так как старший маг находился рядом, и блокировал на время любое его движение, даже артикуляционное, чтобы не слышать никаких воплей, ругательств и проклятий...

Астарий возненавидел Эльбиуса, как только может ненавидеть человек... или сверхчеловек. Для этого чувства никакой разницы не было. Но он не успел ничего сделать: ни попытаться убить Учителя, ни выйти из Миссии. Эльбиус, как идеальная мыслящая машина, не отвлекающаяся на эмоции, – в очередной раз удалил из памяти Астария кусок его жизни...

Лишь теперь, когда Эльбиуса уже не было, и сила его воздействия ослабла; а пробужденные словами Феофана, обрывки воспоминаний притягивали за собой все новые и новые, – собственное прошлое сложилось, наконец, для Астария в цельную картину... Но что-то было не так. Старик мучительно всматривался в прошлое, вновь и вновь терзая, с трудом восстановившуюся, память. Было во всём этом что-то киношное, слишком уж правильное и логичное. Эльбиус представлялся теперь исчадием ада, а такого не могло быть. Ведь именно он научил Астарию всему, что тот исповедовал ныне; ведь законы Жизни не изменились – пусть даже на человеческий взгляд они порой казались жестокими. Но ведь до сих пор он считал их верными? Арсена обучал, Родиона. Где-то случился сбой, но всё же... Если сейчас он разочаруется в Миссии – что останется ему под конец его огромной жизни? Знание, что всё это время потрачено зря, – если вообще не во вред?! Как теперь работать; как общаться с лесными друзьями, которые привыкли считать его главным и мудрым, которые полагались на него? Как мог он продолжать обучать преемника, если сам потерял смысл, и веру в нужность своей работы?

Пусть Родион пока что следит за кнопками; хорошо, что ему хладнокровия не занимать, и он пока уверен в том, что делает...

А ему нужно переждать. Пока он не станет прежним. Если станет...

Ещё раз... успокоиться насчёт теперешнего, положиться на ученика, и – нырнуть в прошлое...

Как это могло происходить? Что ощущаешь, когда стирают память? Как мог кто-то сделать это, даже величайший из магов, – со своим собственным преемником? Астарий не владел такой техникой... Это было возможно лишь в случае со смертными, и происходило практически само. Или даже совсем не происходило, – вон как вышло с Анжелой, – она запомнила слишком много. Впрочем, может быть, сбой произошел в результате её изменения. Не так уж много было смертных, контактировавших с ними, чтобы статистику вести...

Нельзя удалить память ученику, нельзя! Тогда все знания пришлось бы передавать заново, и не один раз. Тогда – что? Ответ возник сам, простой и ясный, как это всегда бывает с правильно заданным вопросом. (Почему же столь редко используется этот метод? Так сложно сформулировать нужный вопрос? Или страшно узнать точный ответ? Ну, Астарию-то уже нечего больше бояться – хуже того, что он переживал сейчас, не могло быть ничего). Эльбиус не мог стереть его память. Он всего лишь вмешивался в его внутреннее видение, и показывал те картинки, которые хотел показать! Вот что... А позже удалял навязанные видения, словно их и не существовало вовсе... «С чистого листа», – любил он повторять... Память о самом существовании Гвендолин и Кевена, видимо, заблокировал собственный мозг Астария, так как, имея лишь оборванные куски, не мог сложить целостную картину.

Итак... Гвендолин. Что же с ней произошло? Теперь Астарий просил ответ у собственного разума, не искаженного чужими мороками. Он увидел её, как живую, – стройную и хрупкую, в сером одеянии, с капюшоном, из-под которого золотым ручьем стекали золотые волосы. Она стояла перед разгневанным Наставником, гордо подняв голову. Но он был вовсе не так взбешен, как считал Астарий. Эльбиус не в силах был испытывать настолько сильные эмоции – как можно было не подумать об этом?! Он хотел показать молодому преемнику, сколь велика его власть, и как он скор на расправу; что ожидает учеников за неповиновение. Чтобы в сознании того отпечатались сила Учителя; чтобы возник страх; а вот ответную ненависть, как неизбежный результат, – он удалил...

Поступок молодой ученицы не противоречил законам. Она, как и все, имела право на личную жизнь, и расхождение ее мнения по этому вопросу с Учителем – не было преступлением. А Эльбиус не мог быть несправедливым, необъективным; не мог следовать своим эмоциям. Ну, конечно! Иначе ему пришлось бы дисквалифицировать самого себя! Гвендолин чувствовала неловкость за то, что повела себя, как девчонка, а не преемница мага. Она была отправлена курировать восточные территории, оставаясь при этом ученицей, и контактируя с Учителем. Ведь других учеников также отправляли по разным местам; они крайне редко встречались даже в период обучения.

Что же тогда с Кевеном? – размышлял Астарий. – Нет, в том случае, к сожалению, ошибки быть не могло... Он и тогда видел лишь картинку, показанную ему Эльбиусом, а затем убранную милосердно, но, – правдивую картинку. В этом случае Астарий действительно нарушил закон, открылся смертному, и наставник скрупулезно выполнил необходимое действие, или приказ... кого? До сих пор мучило – где они, эти Высшие? Почему столько лет идёт игра в одни ворота? Крайне редко он получает какие-то указания – через тот же ноутбук, или слышит приказ напрямую в своей голове. Но, Создатель (или Создатели, или кто?) ни разу не вступил в открытое общение. Эльбиус говорил – придут сами, укажут Путь. Так ли? Или, несмотря на свою избранность, лишь Астарий настолько несовершенен, что до сих пор не удостоился этой чести?

А Гвендолин? Где она сейчас? Вдруг она знает о Высших? Жива ли? Если да, – то почему не искала способа встретиться с ним? Быть может, ее разуму показали такую же, противоположную картинку о его гибели? Специально, чтобы не вздумала искать? А после – она также забыла?

Сердце внезапно участило свой ритм, тело окутало теплом. Старик почувствовал, что рот, почти против воли, начал улыбаться, – скованно и трудно, словно преодолевая судорогу. Когда он улыбался последний раз?

– Гвендолин! – позвал он мысленно, вслушиваясь в себя. – Гвендолин, отзовись!

– Да! – со смехом прозвенел в голове забытый голос. Словно трубку телефонную сняли. – Я знала, что рано или поздно ты появишься, и позовешь меня!

– Гвендолин, ты жива! Ты всё это время знала обо мне, и молчала? Почему?

– Ну, положим, не всё время... Много позже ухода Эльбиуса. Но, знала, да. Я же верила, искала. Потому что любила. Искала, как только сумела вспомнить. Но ты был слеп. Звать тебя было бессмысленно.

– А теперь... ты для меня – всё. Это не признание в любви. Ты просто вернула мне смысл. Это важнее, чем жизнь, я могу умереть завтра или вчера... Но лишь вспомнив, что ты есть, – я смог улыбаться. Шевелиться, говорить...

– Я знаю, любимый. Я знаю... И всегда знала, что наступит день, когда ты поймёшь, что главное...

– Мы встретимся?

– Да. А сейчас... спи. Тебе нужно отдохнуть. Мы могли бы встретиться прямо сейчас, но подожди; дай телу и душе отдых; ты так измучился за все это время. Немного нам осталось, надо побереечь себя. – Словно две нежные прохладные ладони легли на голову Астария, сердцебиение унялось, и он погрузился в спокойный глубокий сон, кажется, первый раз за несколько лет.

Монахи и юные послушники проходили на цыпочках мимо кельи святого старца, который впервые на их памяти заснул здесь с незапертой дверью, с безмятежной улыбкой на лице...

ГЛАВА 7

Виктория

Виктория с отвращением вытащила из ящика оставшиеся овощи: лук и морковка совсем сгнили. Она выбросила их в ведро. Несколько картофелин, вроде бы, выглядели прилично. «Главное, что всё цело, значит, мышей за три недели не завелось, слава богу... Если бы они могли проникнуть в дом, то, конечно, начали бы свои поползновения со временно пустующей квартиры», – рассеянно думала она. В морозилке нашлись нарезанные помидоры в пакетике; есть курица и крупа. Уже что-то...

Так всегда бывает, когда возвращаешься с путешествия, – дом кажется чужим, непривычным, заброшенным. Трудно вновь втягиваться в хозяйство, готовить на кухне, а не перекусывать готовой едой, по-быстрому, в машине, а после – просто выбрасывать упаковки при каждой остановке, если есть мусорные баки. И никакого тебе мытья посуды... Перед глазами всё ещё мелькали вежливые надписи: «Спасибо за чистоту на дорогах! Счастливого пути!», милые забегаловки на трассах, постели и душевые кабинки в отелях; разнообразные новенькие полотенца и постельное бельё; даже туалеты. Ей нравилось находиться в дороге, ни к чему ни привязываться, не заботиться о том, что будет дальше с этими чужими вещами; заплатить за постой – и снова в путь. Чувство свободы и новизны, интереса, неожиданности в каждой ерундовой мелочи. Пожалуй, именно эти, постоянно меняющиеся, картинки жизни, а не сама цель – пляж и море, – было самым главным, что она искала в путешествиях. Несмотря на все риски и страх, порою настолько сильный, что она молилась лишь о том, чтобы добраться живыми. Парадоксально, но это и давало ощущение полноты жизни. Кажется, она понимала женщин, идущих на фронт во время войны. Может быть, это звучит кошунственно, но только в такие моменты ты по-настоящему счастлива – тем, что жива. Это и есть сама жизнь, поток, движение, которое не замечается в рутинных буднях (хотя, конечно, от падения внезапного кирпича на голову гипотетически не застрахован никто и нигде, даже в самом спокойном месте, но нужно быть настоящим философом, чтобы постоянно думать об этом, а не просто знать в теории...)

Теперь Виктории надо вновь привыкать, что у нее есть шкафы, и одежда, которой намного больше, чем необходимо прямо сейчас. Одежда на все четыре сезона (из которых три проживаешь лишь по необходимости, в ожидании лета). Она должна быть аккуратно развешена и разложена по шкафам, а не просто закидываться в сумку под кроватью; за всем этим необходимо следить: протирать пыль, раскладывать антимоль, и тому подобное...

Ранним утром синяя «Ауди» медленно, из последних сил, катила по улицам спящего еще города. Андрей, Виктория и Ася вернулись домой, пошатываясь от усталости и стресса. Они занесли в квартиру лишь самые необходимые вещи, и сразу же легли в отсыревшие постели. Летом, вне отопительного сезона влажность в доме была катастрофическая; квартира казалась холодной и промозглой. Зато на шумных и пыльных, в сравнении с югом, улицах, пока еще ласково припекало солнышко. Два обязательных действия перед тем, как рухнуть в кровать: открыть газовый и водяной краны, и отправить самое важное сообщение самым важным людям – родителям: «Мы дома». Точка. Остальное может подождать.

Андрей после дороги ещё долго будет спать. Виктории, проснувшейся к пяти часам вечера, пришлось потихоньку вновь входить в привычную колею. Первым делом, она приняла душ. Нехотя – ей казалось, что этим действием она смывает с себя запах моря, юга, дороги, мотелей. Словно, с прилипшей дорожной пылью на теле каким-то образом могли сохраниться

морская соль и романтика путешествия, а помывшись в собственной ванной, она утверждала себя в статус вернувшейся. Что было, конечно, несусветной глупостью.

Виктория наспех расчесала мокрые волосы, выгоревшие сейчас почти до орехового цвета; полюбовалась непривычным, для домашнего зеркала, отражением загорелого тела. Сорок четыре года ей никак не дать, порой ей даже неловко называть свой возраст – могут подумать, что она кокетничает, нарочно завышая цифры, и наблюдая за реакцией людей. Зачастую она испытывала противоречивые чувства: с одной стороны, приятно выглядеть намного моложе паспортных данных, а с другой, – возникало отчаяние: зачем я такая? Внешность была отражением души, которая не выросла, не успокаивалась, вечно искала и ждала чего-то; искала саму себя, словно подросток. Кризис четырнадцати лет плавно перетек в кризис тридцати, сорока, – а душа всё не менялась. Если бы она попыталась обрисовать кому-то собственные мысли – тоже ничего бы не вышло. Молодо выглядящих, к тому же гораздо более модных и ухоженных, чем она, женщин, очень много, – но это другое. Они могут быть шикарными, уверенными в себе, и все-таки взрослыми. А она – как девчонка. Порой кажется, что её всерьёз никто не воспринимает. Вон, как недавно был шокирован сосед – милый одинокий старичок, смешливый балагур, вечно гуляющий с лохматым псом, обожавшим Викторию. В разговоре с ним она случайно упомянула год окончания школы, да сказала, что тоже была пионеркой. У соседа сильно вытянулось лицо, он ошарашенно взглянул на неё, видимо, быстро посчитав в уме, затем спросил о возрасте. Услышав ответ, долго удивлялся и качал головой. Сама того не замечая, Виктория кокетничала с разговорчивым дедом. Кокетничала в своём стиле – то есть, ласково и охотно разговаривала, непроизвольно становясь обворожительной. По той самой причине, что здесь не могло возникнуть никакой двусмысленности. И ещё потому, что она-то твердо знала: возраста не существует, есть лишь человек, со своей неповторимой душой. Лучше подарить невинную радость тому, кто не ожидает её, чем каком-нибудь самодовольному хлыщу, который начнёт воображать невесту что...

Наверное, и на работу проще было бы устроиться, будь она лет на десять моложе, но имея другой, более взрослый, облик – возможно, короткую стрижку, которая, по словам стилистов, молодит. На самом деле, короткая стрижка даже школьнице придаёт вид взрослой женщины. А с чем Виктория никак не могла расстаться – это с длинными волосами. Сейчас они светлее обычного, а кончики окрашены в пепельно-розовый цвет – точно, как у подростков. Ну и пусть, зато ей так нравится.

Виктория вздохнула, вытерлась ярко-синим (пляжным еще) полотенцем. Натянула пляжное платье – чёрное в ярких розовых цветах. Теперь надо дойти до крошечного магазина, расположенного прямо во дворе, и купить хотя бы пару луковиц.

Скрип двери, быстрое шарканье тапками, прикосновение теплых ладошек к спине... Ася. Сонная и улыбающаяся, кудрявая и растрепанная; в розовой, с веселым принтом (сердечко и котенок), пижаме «Hello, kitty». Совсем взрослая девушка, а по сути – ребёнок. Даже хорошо, что она невысокого роста, наверное, в бабушку – всего метр пятьдесят восемь. Лишний раз за ребенка и примут, если не сильно приглядываться.

– Проснулась? – Виктория обняла дочку. – Давай тогда и тебя умоем. Пошли мыться.

– Мыться! – подтвердила Ася, и бодро прошлепала в тесную ванную, зажурчала водой.

Виктория вошла следом, когда дочка, раздевшись, и затолкав пижаму в стиральную машину, уже сидела на пластиковой скамеечке в ванне, и поливала себя душем.

– Давай всю тебя помоем... Вот так. С мылом. Теперь бери пенку. Вот так... Теперь смывай хорошо.

Завернув Асю в полотенце с изображением дельфина, Виктория помогла ей выбраться из ванны (просто так, на всякий случай, по старой привычке.) Они прошли в Асину комнату («Ох, сколько же тут всего прибирать нужно. Но это потом, потом...»), надели легкое пестрое платье, причесались... Точнее, причесывала Асю Виктория. Это действие не представ-

ляло никакой сложности, но не имело ценности, ясного смысла для Аси, и потому игнорировалось ею; когда длинные кудри мешали ей, падая в беспорядке на лицо, она просто отводила их руками. Или могла зацепить их простой заколкой-зажимом, но так, что это не помогало – заколка просто болталась в волосах. Зато Ася знала, где взять в шкафу трусики, платье, или пижаму; знала, когда и что нужно надеть (пускай даже задом наперед); знала, как застелить свою постель, где «живут» простыни, наволочки и подушки...

– Макарошки! Пить!

– Макарошек ещё нет, их надо сварить, зая. Давай поставим воду греться...

Ася уже настойчиво пихала ей в руки пакет с макаронами, вынутый ею из шкафчика.

– Хорошо, хорошо... Сейчас. – Виктория положила протянутый пакет на стол. – Сначала вода закипит, и надо ещё посолить. Вот тебе пить. – Она развела кипяченой водой протертую с сахаром клюкву. – А сейчас помоги мне нарезать овощи для супа.

Это была волшебная фраза. Очищенные Викторией картофелины, и сохранившуюся с дороги половинку сладкого перца Ася нарезала радостно, напевая песню Золушки из фильма. Она отлично знала, какие из овощей бросать прямо в кастрюлю, а какие необходимо предварительно обжарить на сковороде. Процесс работы отвлек Асю от макарон. Чуть позже они вдвоем дошли до магазинчика во дворе, и купили необходимые продукты.

Пужинав, Ася взяла свой планшет. Виктория включила вайфай-роутер, и тоже решила заглянуть в сеть. В «Контакте» накопилось много сообщений. Одно из них, от той самой «Энжи», которая недавно просилась к ней в друзья, повергло в шок. «Виктория, вы ведь помните Арсена? Его душа жива, и всё ещё любит вас. Только теперь его зовут Александр.»

Гвендолин

Она уронила морщинистое лицо в ладони, и заплакала. Сколько лет прошло с тех пор, когда она проливала слёзы в последний раз, Гвендолин не могла бы сосчитать, даже если бы захотела. Слишком поздно всё, слишком поздно. Теперь она сумела лишь помочь Астарию, вытянуть его душу из ада, в котором оказался он, прозрев. Она могла бы обрадоваться, что, хотя бы сейчас, он потянулся к ней, позвал её. Его вины в разлуке не было, их одинаково обманули, только она, со своим женским чутьём и настойчивостью, непокорностью к навязанной извне чувственной амнезии, – разобралась во всём раньше него. Вначале каждый из них считал, что другой мертв. Затем она узнала, что возлюбленный жив, но думала, что Астарию нет до неё дела, что любила лишь она одна, а он живёт себе спокойно, и полностью удовлетворен одинокой жизнью. Гвендолин была для него лишь нелепым эпизодом. Теперь она знала правду; она ощутила его душу. Она нужна ему. Только... уже не в том смысле. Он не был больше способен ничего дать – ни чувств, ни жизни. Он вспомнил её, как своё единственное счастье, но душа его выжжена дотла, опустошена; она не сможет даже принять острую радость запоздалой любви. Он нуждался лишь в утешении. Она дала ему это. Но их самих нет больше; их история закончена...

Она была намного моложе Астария, но казалась себе совсем древней. Нет, не из-за морщин, избородивших лицо, не из-за того, что, золотая когда-то, коса стала серебряной, – глаза её по-прежнему светились теплом и любопытством к событиям жизни; фигура оставалась такой же стройной, осанка – гордой. Но она столько пережила за это время... Полуголодное детство, не слишком весёлая юность, несколько лет довольно удачного замужества, – те годы вспоминались теперь лишь как преамбула к жизни; казались лёгкими, веселыми и простыми, хотя на самом деле вовсе не были такими. Затем – смерть, и новая жизнь в стане избранных. Эльбиус, Астарий... Она никогда не смела заговорить с учителем об Астарии. Их безмолвный уговор, прощение Гвендолин по умолчанию, обсуждение любых тем, кроме её поступка, продиктованного чувствами (что считалось постыдной слабостью), – угнетало её. Что чувствовал сам суровый наставник – было для неё загадкой. Она всё же выполнила ту роль, что изначально предназначалась для неё. Считая, что Астарий уничтожен за непослушание, и, главное, пожалуй, – что он не испытывал к ней ничего, кроме симпатии, – ведь он не говорил о любви. Мало того, что любимого больше нет, – она ещё и права не имеет оплакивать его, как если бы чувства были взаимны. Что может быть ужаснее? – чувствовать себя глупой, нелюбимой, и виноватой одновременно! А вот Эльбиусу она нужна; он избрал её для себя. Он считает, что она обладает большим потенциалом, и даже говорит, что испытывает к ней привязанность, – настолько, конечно, насколько позволено Законом. Она должна ценить это. Она должна прилежно учиться, выходить на новый уровень, и работать. Они – пара.

Конечно, она ценила. Она пыталась даже найти тепло и радость, обнимая тело Эльбиуса. Но в его объятиях испытывала лишь физическое удовольствие; настолько физическое, что даже удовольствием назвать сложно. Суровый гуру давным-давно так тщательно вытравил запретные эмоции из души и тела, что ни одна женщина не могла бы согреться возле него.

Эльбиус так и не узнал, что она в самом деле перешла на новый уровень. Не на тот, что был у него. Качественно другой... Он постоянно распекал её за то, что она сильно чувствует, не может отстраниться от эмоций. Работая над человеческими судьбами, принимает их близко к сердцу. Оттого теперь ей казалось, что она прожила миллионы жизней. Истратила себя всю... Тем не менее, пока Эльбиус, Астарий, Александр, Родион, и другие избранные «постигали гармонию алгеброй», – Гвендолин решала вопросы интуитивно, руководствуясь теми самыми, запретными эмоциями. Она достаточно быстро поняла, что чем меньше будет делиться с учителем, тем лучше и спокойнее ей будет жить. Она вышла на прямую связь с Высшими силами;

ноутбук ей почти не требовался. Для неё не существовало законов и запретов. Постепенно она отдалилась от Эльбиуса, появляясь у него всё реже и реже; территории их лишь частично пересекались. О том, что бывший наставник прекратил свою долгую земную жизнь, она узнала свыше. Это произошло не слишком давно. А там, наверху, сейчас преобладали женские энергии, о чём, конечно, не могли знать негибкие кураторы-мужчины, свято соблюдающие данный им Закон.

«Этот мир становится слишком женским», – с грустью думала Гвендолин. – «Мужчины лишь играют в привычную игру своего ума, власти и логики, на самом деле, – не признавая истины, не ощущая её. Женщины по-прежнему подыгрывают им, изучая различные пособия о том, как завоевать мужчину... Но женские качества: эмоции, гибкость, чувственность, интуиция, – зачастую дают куда более быстрый и верный результат. Даже среди мужского населения сейчас выигрывают те, кто более развитой интуицией ощутил необходимость как раз этих свойств, и не побоялся, что его сочтут немужественным... Навряд ли справятся без меня Астарий с Родионом. Первый выдохся, и замучен угрызениями совести; непривычный шквал эмоций выбил его из колеи, не навсегда ли... Второй просто не имеет Силы. Возможно, она появилась бы, если б он прошёл через эмоции – кроме негативных и материальных, конечно; таких ему хватило сполна. Но сейчас он – всего лишь приложение к ноутбуку. Они могут вечно качать головой, рассуждая логически там, где нужно решать чувствами. А ведь я тоже не все-сильна, чтобы работать за всех. Но, всё-таки, придётся помочь...»

Гвендолин медленно поднесла ко лбу сложенные щепотью длинные, коричневые от загара пальцы, унизанные массивными золотыми перстнями. На одном из них сверкал оттенками молодой травы квадратный изумруд, на втором – светился солнечными лучами золотистый цитрин. Мудрость, тайна, проникновение и интуиция... Она любила и верила в силу определенных камней, ведь то, что мы любим, и чему верим – всегда помогает. Всё просто... Кабошон рубина, рядом с крупным алмазом, сияли на левой руке – сила, власть и страсть... Она прикрыла глаза, мысленно призвав к себе помощников и друзей.

– Здрава будь, Хозяюшка! Что за треба в нас возникла? Чую, дело срочное? – невысокий, кражистый мужичок низко поклонился Гвендолин. В странной одежде, похожей на бурку с папайхой, только вот материалом для них служила кора дерева; с торчащими из рукавов, из-под шапки листьями; с хитрованской улыбкой в пол-лица. Лицо выглядело вполне обычным, если не обращать внимания на особую задубелость кожи, которая порой появляется у живущих на свежем воздухе круглый год.

– Будь здоров, Казимир! И тебе, Глафира, здравствовать, и тебе, Заряна! Благодарю, что откликнулись сразу! Дело важное. Лишь вам доверить могу.

– А как же иначе, Гвенна? Прибежали, знамо дело. Разве наши дела с твоим сравнятся? – статная, чернокошая, румяная колдовскими красками, ведьма Глафира немного запыхалась; она взволнованно глядела блестящими чёрными очами на задумчивую Гвендолин, сидящую в высоком резном кресле возле гадального (он же – обеденный) стола.

Гвендолин не скрывалась от людей. Да и где здесь было укрыться? – степи, поля. Ничего особенного, что есть на отшибе села странный домишко ворожей-травницы, не похожий на другие хаты. Мало ли таких старушек в деревнях. А сколько ей лет, и чем она ещё занимается – можно никому не сообщать. Внутреннее убранство дома выглядело неким синтезом русской избы, церкви, и приёмной медиума. Только Гвендолин не соблюдала никаких правил: на одном столе могли лежать и карты Таро, и Библия, и хрустальный шар; а также и самовар с чайными чашками, и тарелка с супом, и любовный роман. «Все ограничения происходят оттого лишь, что люди не могут дифференцировать в собственной голове некоторые вещи. Потому и считают кошуном, скажем, положить еду рядом со священным предметом. В самой еде, или мирской книге нет ничего оскорбительного для мистических предметов, как

и в них – для церковных. Этими свойствами их мысленно наделили сами люди. Всё существует первично в наших мыслях и чувствах...»

Гвендолин встала, разлила по чашкам ароматный напиток.

– Кипрей и мята... Держи, Глафира; отдышись, дорогая. В твоём возрасте, так бегать... Пусть и кошкой – не на крыльях же. – Прозрачные глаза смотрели на немолодую ведьму с невероятной, завораживающей теплотой. – И вы, друзья мои, угощайтесь, насладитесь ароматом... Теперь к делу. Никакой катастрофы нет; у нас – вообще всё в порядке.

– Ну, слава те... – тихо перебила Глафира.

– Но мне необходимо покинуть вас на какое-то время. В другом районе ситуация вышла из-под контроля.

– Ах?! – испуганно вскинулась хрупкая Заряна, обхватив слегка зеленоватыми пальцами изящную фарфоровую чашечку. Тонкое полупрозрачное тело, светящееся сквозь струящееся белое платье, резко вздрогнуло, и часть напитка выплеснулось. Она обожглась бы, если бы могла обжечься. Заряна была из самых простых русалок, но, в отличие от других, обладала острым умом, желанием познавать новое, и делать что-нибудь полезное для своей реки, своей земли, – вместо бесцельного хохота, плетения венков, и заманивания в омут ночных путников и купальщиков. Гвендолин с Глафирой однажды попытались перевести её в ранг ведьмы, чтобы повысить в статусе перед высшими, но это была непосильная задача – иная плоть уже не поддавалась вторичной трансформации. Водяного в реке не было, омутинник вёл себя тише воды, – таким образом, Заряна по праву оставалась единственной смотрительницей великой реки, и помощницей Гвендолин.

– Не переживай, милая. Это не связано с экологией. Там... всего лишь частные человеческие проблемы, но – затрагивающие несколько воплощений. И мой старый... слишком старый, чтобы разобраться в одиночку теперь, коллега, – неизменял реальность. Вышла стычка параллельных вариантов мира; ноутбук попал к смертным, и те тоже натворили дел. Проще всего было бы, конечно, устранить их всех. – Гвендолин нервно перебросила за спину тяжелую косу, и невесело усмехнулась, – морщины на бронзовом лице обозначились резче. – Но это хорошие люди, которые и так пострадали от экспериментов, – во-первых. Во-вторых, их судьбы значимы для моего коллеги и его друзей. Ну, а в-третьих... – это вообще не наш метод, не правда ли?

– Надо же! – шумно выдохнула Глафира. – Нарочно не придумаешь...

– Да-а уж... – протянул Казимир, почесав затылок. – Нас одних оставляешь? С ноутом?

– Конечно. Я в вас не сомневаюсь. Управляться умеете; главное, чтобы кто-то из вас постоянно дежурил. Втроем справитесь. Я тоже посматривать буду, конечно же, но не так часто, как хотелось бы. Пока там разберусь.

– А план у тебя уже есть? – прозвенел нежный голосок Заряны.

– Целых два мешка, – рассмеялась Гвендолин. – Если бы. В том и проблема, что куда я совершенно не представляю, что можно сделать. – Она задумчиво закусил губу и отставила чашку. Затем подошла к резному сундуку, открыла его, предварительно согнав спящую рыжую кошку; вынула чёрную мантию с капюшоном, и накинула поверх платья из небеленого льна.

ГЛАВА 8

Инга

Инга ошарашенно перечитывала послание Энжи вновь и вновь. Что за бред, разве такое возможно?! В жизни подруги всегда присутствовали элементы мистики, задевая каким-то краешком и саму Ингу. Но это уже просто ни в какие ворота! Склонности к взаимным розыгрышам у них никогда не наблюдалось; на тихое помешательство тоже похоже не было – ибо Энжи в письме сама недоумевала. А Инга-то как раз хотела сообщить радостную весть, что вскоре она переберется в Н-ск, – поработав на севере, теперь имеет возможность обменять жильё на квартиру в столице, с небольшой доплатой. И, возможно, они с Энжи смогут иногда встречаться. Конечно, она всё равно скажет об этой новости, хоть она и не будет теперь самой сногсшибательной. Но, что же происходит, чёрт возьми?! Энжи – клон, а её обожаемый супруг – вообще ни пойми кто! А если поглядеть в том веселом ноутбуке страницу Инги – кем-то она окажется? Нет уж, лучше не надо, пожалуй... Мало того, что ей и так снятся странные сны, в которых она становится Анжелой, и словно живёт её жизнью. Но, может, все оттого, что она не может забыть её? Отпустить? Ведь в глубине души, в тайне для всех (разве что одна Энжи – волей-неволей – в курсе), женщины Инге нравятся не меньше, чем мужчины. То есть... то есть ей словно бы вообще никто не нравится временами. Или нравится только дружить. Хотя порой она может запросто влюбиться в какого-то актера. Или актрису. Или подругу. Только не в мужа, упаси господи! Муж – это всего лишь досадное приложение к женщине, необходимое для статуса, для финансовой поддержки, для рождения детей, а затем – чтобы у этих детей имелся отец. И если для кого-то так становилось лишь спустя долгие годы брака, то для Инги так было изначально. А ещё ей снилась сорока, которая разговаривала с ней, и смеялась мерзким клекотом (с ней, или над ней?), шептала всегда одно и то же: «Я скоро приду!».

Инга вздохнула, взъерошила ладонью, совсем короткую теперь, светлую челку. Ещё, что ли, кофе выпить? И выкурить тоненькую сигарету, пока никто не видит. Успеет ли она в детский сад за Катюшкой, если сейчас начнёт отвечать Энжи, и, как всегда, «зависнет»? Хотелось сделать это до возвращения мужа – тоже Александра, как и у Энжи. (Не поэтому ли она сразу согласилась выйти за него, что имена оказались одинаковыми?)

У Инги только-только начался долгожданный отпуск – увольняться она не спешила, – и ей хотелось насладиться кратковременным покоем и одиночеством, начав потихоньку собирать вещи. Её старший сын, шестилетний Серёжа, гостил сейчас у свекрови.

Ещё раз взглянув на часы, Инга поставила перед монитором чашку с ароматным дымящимся напитком (ну и пусть растворимый!), и начала писать, словно разговаривать с подругой, глядя в глаза на фотографии. Версий у неё, конечно, не было, – ничего, больше, чем сама Анжела, она не знала. Она могла лишь дать понять, что слышит её, верит, что тоже в шоке, и мысленно они вместе. Без дополнительных охов и ахов. Это важно. Про свои сны она не писала, и не потому, что боялась встревожить Энжи ещё сильнее (хотя, конечно, она всегда сочувствовала подруге, что так вышло с Олесей, – но ситуация давно стала привычной). Просто не думала, что сорока, и её собственный бред – могут иметь какое-то отношение к Анжеле.

Не успела она. Послышался противный, тревожный для неё, звук, открываемой ключом, двери. Тяжело ступая, Александр прошёл в зал. Он устал после работы, и злился.

– Опять в компе сидишь? А за Каткой кто пойдёт?

– Я уже закрыла компьютер, не видишь? И как раз собиралась выходить. Может, поедем на машине, раз ты уже пришёл?

– Пешком сходишь. Я устал, и хочу есть.

– Ешь... – на плите стояли разогретые голубцы.

– А ты чем занималась днём? – Так просто от мужа было не уйти. Он искал, к чему прицепиться. – В интернете сидела? Или шастала куда, деньги тратила? Нормальная мать, в отпуске, сняла бы ребёнка с группы!

Инга устало прикрыла глаза, ожидая худшего. Вечно одна и та же песня! Сейчас она, действительно, опоздает в детский сад. Она молчала.

– Что молчишь?! Где ты шлялась?

– Вещи я собирала, успокойся! Мне пора идти! – она выскочила в коридор, надела босоножки, схватила сумочку и вышла, успев закрыть дверь до очередного обвинения. Всю душу выел! Зачем только она вышла за него замуж когда-то? Когда-то он показался ей добрым и надёжным; и был влюблен. Или это тоже ей показалось?

Инга шла по скучной, застроенной однотипными зданиями, улице северного рабочего городка, наслаждаясь, редким в этих широтах, теплом. Переедут они... Это замечательно, конечно. Но, как продолжать жить с неадекватным и злобным мужем, страдающим паранойей, и вымещающим на ней зло? О, да, она как-то изменила ему. Он не знал. Было дело. Просто, чтобы ощутить себя живой. И ощущала, и плакала, и, казалось, что влюбилась до невозможности... Но, закончилось это достаточно быстро, не оставив после себя ничего, кроме разочарования. В очередной раз иссушив душу. Как, почему-то, почти все её романы. Это не имело значения больше... А с Александром они связаны двумя детьми, финансами, и желанием перебраться в Н-ск. Как теперь разойтись? Но жить с ним – невыносимо. Она непременно уйдёт от него, всё равно... Когда-нибудь. Должно же что-то произойти, что поможет ей осуществить намерение. Сейчас важнее всего – переехать. Стиснуть зубы, и терпеть. А затем она что-нибудь придумает.

Анжела

– Что мне ответить ей? Как Феофан сказал? – написать все, как есть, ведь легче всего обманывать правдой. Впрочем, почему обманывать? Никакого обмана в том не будет... Просто завершить все это, нивелируя собственное раздолбайство, глупость, вылетевшую на эмоциях.

«Помню. Энжи, кто вы? Вы знали Арсена? Если это шутка, то невеселая. Арсен погиб, и вам это известно. Что за фантазии про любовь? И что за Александр?»

Виктория отвечала очень аккуратно, не желая показать, что история с Арсеном значила для неё больше, чем для других преподавателей. Можно было подыграть ей, согласившись с версией о шутке. Но, тогда всё равно нужно объяснять, кто она и зачем всё это, придумывать новую историю, и, в результате, запутаться сильнее. А если она захочет встретиться? Анжеле казалось, что Виктория глядит на неё с монитора, и ждёт. Медленно подбирая слова, печатая, и стирая написанное, кое-как, она, вроде бы, сумела описать невероятное. «Поглядите на даты моих записей, фотографий. Это будет доказательством, что я живу в другом году. Я сама не понимаю, как это возможно, я в таком же недоумении, как и вы. Когда я узнала обо всем, была не в себе, и написала вам сгоряча. Извините. P.S. На фото есть мы с Александром. Может быть, вам интересно.»

Анжела отправила сообщение, и вновь открыла страницу виртуальной собеседницы из будущего. С ума сойти, она видит соцсеть будущего! Теперь она заметила, что дизайн привычной страницы «Контакта» стал другим, а когда заходишь на страницу Виктории, – есть даже возможность позвонить, как в «Скайпе». Анжела уже привыкла к ноутбуку к лесной братии и чудесам в лесу (удивительно, как быстро человек может адаптироваться и к новым технологиям, и к мистике). Но осознать, что она пишет в будущее, и видит сейчас какую-то его часть, пусть даже в виде страницы соцсети, – казалось ей поразительным.

– Кто это? – встревоженный голос мужа, прозвучавший сзади, застал её врасплох. Как же она не подумала об этом! Александр не имел привычки контролировать её – принципиально не заглядывал в её переписку, даже если бы она сама показала, считая это неэтичным. Никогда не задавал подобных вопросов. И то, что показывать ему Викторию было, мягко выражаясь, неумно, дошло до неё лишь теперь. Что же ответить?

– Сестра подруги... Сказали – на меня похожа; зашла поглядеть. – Анжела запинаясь и краснела, словно её уличили в любовной переписке. Но Александр ничего не замечал. Он смотрел на Викторию.

– На тебя похожа? Нет, не сказал бы. Виктория Киршанская, город Н-ск!

– Она старше, конечно, – недовольно буркнула Анжела.

– Нет, дело не в том, она другая совсем...

Анжеле впервые захотелось стукнуть мужа по голове чем-нибудь тяжёлым. Глаза и голос его были как у блаженного. Бесполезно было сейчас что-либо говорить – он не слышал её. Сознание ещё отказывалось воспринимать произошедшее, но тело подсказало прямой, хоть и глупый путь решения проблемы – Анжела закрыла страницу, сердито произнеся:

– Что тебя так заинтересовало-то вообще, не понимаю?! Я даже сама её не знаю, заглянула буквально на минутку, а ты столько о ней говоришь, словно она – невеста что важное!

– Да, прости. Задумался. Нашло что-то. – В отсутствие взгляда Виктории с монитора Александр спохватился и пришёл в себя. – Сам не знаю, это ты начала про «похожа». Это, в самом деле, не важно. Знаешь, что в голову пришло? Не пора ли и нам подумать об Н-ске? Не сейчас, конечно, но подумать.

– Ты шутишь? Каким образом? Там, что, могут дать ведомственное жильё?

– Нет. Ипотеку взять.

Анжела внимательно – недоверчиво уставилась на мужа. С каких пор им по карману ипотека? Про неё говорят страшные вещи... Что в долги влезешь – никаких денег не хватит.

– Я посчитал. Это предварительно, конечно. Сейчас привезли новое оборудование, большую часть больных с районов будут направлять к нам. Работы будет много, оплачиваемой. Мы как раз обсуждали вчера с начмедом... Через год-полтора вполне... А тут ты со своей Викторией из Н-ска; я и задумался.

Анжела уже почти забыла о Виктории. А он снова напомнил. Хотя, судя по всему, – всё хорошо, даже отлично! Александр планирует их будущее, думает о семье. Именно об этом он вспомнил, увидев город на странице, и машинально отвечал невпопад. Он и не заметил ту Викторию, а она успела приревновать и расстроиться. Теперь она просто возликовала! Все дороги ведут в Н-ск! Случайны ли такие совпадения? Инга только что сообщила ей о своем переезде! Как хорошо! А с клонами и воплощениями она разберется сама, не впутывая Сашу... года ей хватит за глаза. Савелий скоро объявится, и всё будет превосходно!

Александр

У него бешено колотилось сердце. Надо же, как удачно получилось выпутаться из дикой неловкости, как кстати подвернулся на язык город Н-ск, как хорошо, что, совсем недавно, он, и в правду, имел разговор с начмедом о расширении местной ЦРБ и возможном повышении зарплаты, и у него возникла идея покинуть глубинку! Он знал, что Анжела не сможет прожить здесь всю жизнь, – она терпит пока что, но так не будет продолжаться вечно; а до сих пор никаких других перспектив не вырисовывалось.

Но, что такое нашло на него вдруг? Никогда он не глядел на других женщин, кроме жены, – в мыслях не было, уж он-то себя знал! А тут, увидев эту неизвестную Викторию – дар речи потерять! Да что там, дар речи, —полностью мозг отключился! В чём дело?! Нужно выяснить это, в спокойной обстановке (и без Анжелы, конечно), – найти страницу Виктории самому, разглядеть внимательно... Легко сказать! Ему хотелось прямо сейчас запрыгнуть в машину, и нестись в Н-ск, в сумасшедшей какой-то уверенности, что не нужен ни адрес, ни предварительное общение; что его с Викторией связывает прочная невидимая нить, которая приведёт его напрямик к ней. И объяснять ничего не надо!

А Анжела? Он пытался вспомнить, было ли подобное с Анжелой? И не мог. Не мог вспомнить даже первую встречу. Они познакомились в больнице, на практике? Да. Но, в то же время, ему казалось, что он знал её гораздо раньше, словно всю жизнь. Смутно мелькали воспоминания каких-то концертов, связанные с Анжелой. То ли они вместе были на концерте, то ли он ревновал её к какому-то гитаристу, то ли он сам выступал? Александр умел играть на гитаре, но он был посредственным самоучкой, с трудом подбирал несколько бардовских песен. Когда он исполнял их для Анжелы, она ласково улыбалась, но было件нятно, что ее просто умиляет это. Сама она даже пела куда лучше него, без всякой гитары... Да, любопытно. Оказывается, кроме, внезапно возникшей, необъяснимой тяги к незнакомке на экране, у него ещё и провалы в памяти обнаружились. Впрочем, он сам виноват. Застрял, закрутился в бытовом «сейчас», в материально-финансовой реальности, отвыкнув от размышлений, от воспоминаний. С таким темпом работы – немудрено подзабыть детали. Но всё же странно... А, чихать на все странности! Надо найти Викторию, и мчаться, мчаться в Н-ск, при первой же возможности!

Найти риэлторские компании, связаться с ними, связаться с подходящим банком, проехаться по Н-ским больницам, закинуть удочки по поводу работы... Дел много. И всё надо подготовить заранее, как он привык. А Виктория будет там, он знает это. Просто знает! Лишь дожждаться подходящего момента. И ещё, все же, написать ей что-то нужно. Впервые за последние годы его охватило такое нетерпение, такое предчувствие чего-то волшебного и неясного, словно он стал мальчишкой, ожидающим ёлку перед новым годом...

ГЛАВА 9

Александр

Вишнёвый «жигулёнок» нелепо смотрелся в потоке иномарок. Казалось, к вечеру, город загадочно изменил свое привычное лицо: вывески и рекламные щиты, внешний вид магазинов и троллейбусов – стали неуловимо иными; увеличилось количество машин, с преобладанием иностранных моделей. Опять ему что-то кажется? Или, просто сказывается усталость после, требующих напряженного внимания, разговоров – с банкирами, с заведующим больницы? Александр направлялся к парку культуры и отдыха, хорошо известному ему, слушая «Дорожное радио». Слава богу, парк выглядит прежним. Значит, показалось все, – так же, как и возникшие ненадолго дурнота и головокружение, ощущение, что он проехал полосу какого-то вязкого тумана. Это нервы. Ещё бы! Виктория ответила на его просьбу о встрече так, словно это было в порядке вещей, не спрашивая – кто он, откуда, и зачем ему потребовалось встретиться. Она просто назначила время и место. Удивительная женщина! На странице Виктории Александр прочёл, что она замужем. Поглядел её музыку, немногочисленные записи и фотографии, видимые тем, кто не «в друзьях». Больше он не знал о ней ничего, как и она о нём. Тем не менее она согласилась на встречу без вопросов. Добавить к этому было нечего. Не спрашивать же теперь: «А почему вы согласились?»

Хорошо, что последние дни уходящего лета выдались тёплыми и сухими. Александр припарковал своего неказистого железного коня на стоянке, выкурил сигарету, пожевал «Орбит», и медленно направился в глубь парка. Внезапно возник страх, что Виктория не придёт, что её вообще не существует, и непонятный морок заманил его невесть куда. Хотя что значит – невесть куда? Это просто парк, и сейчас всего лишь шесть вечера; а ему, начавшему свой день ранним утром, чудится, что прошла уйма времени. На минуту он ощутил себя ребёнком, зависящим от взрослых; почудилось, что находится одному в парке страшновато. Одному? В парке гуляет народ, слышны детские голоса. Глупости какие... Миновав, шелестящие над головой, начавшие понемногу желтеть, клёны и липы, он вышел на главную аллею, огляделся, и приблизился, к пестрящему разноцветными лентами, чугунному «Дереву Желаний». Хотел было прошептать сокровенное в большое черное ухо скульптуры, но, устыдившись самого себя и возможных зрителей, – махнул рукой, и отошёл к расположенным неподалеку лавочкам.

Ждать пришлось недолго. Она появилась со стороны противоположной аллеи, ведущей от троллейбусной остановки. В джинсах и светлой футболке, тоненькая и хрупкая, с небрежно заплетенной сбоку, короткой и толстой, темной косой, с маленькой сумочкой, свисающей с чуть приподнятого плеча. Вначале она шла медленно, но, поймав его взгляд, ускорила шаг. Не улыбалась, всматривалась в него, кажется, искала, и не находила в нем чего-то. Александру хотелось лететь к ней, но, сдержав порыв, – он двинулся навстречу медленно, боясь напугать её; счастливо и глупо, как ему казалось, улыбаясь. Она приблизилась; тревожные серые глаза глядели столь неотрывно, что это показалось бы неприятным от любого другого человека. Наконец в её лице дрогнуло что-то – словно она все же нашла в нем нечто, неведомое ему, но очень важное для себя. Затем молча упала в его объятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.